

Станислав Богданов

Последний старец

Крест Судьбы, Огненные
скрижали...

Станислав Богданов

Последний старец. Крест Судьбы, Огненные скрижали...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40651391

ISBN 9785449629524

Аннотация

В траншеях Великой войны мучается от безысходности полковник французской армии Мишель Седан. Он не понимает, ради чего он должен отправить своих солдат на германские пулеметы. Решение подсказывает его друг, полковник русского экспедиционного корпуса...

Содержание

НАЗВАНИЕ: Последний старец	5
Глава первая. Проклятые окопы	7
Глава вторая. Крест Судьбы	80
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Последний старец Крест Судьбы, Огненные скрижали...

Станислав Богданов

© Станислав Богданов, 2019

ISBN 978-5-4496-2952-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НАЗВАНИЕ: Последний старец

АВТОР: [Станислав Графов.](#)

КОНТАКТЫ: 8965 – 477-89-28.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

В траншеях Великой войны мучается от безысходности полковник французской армии Мишель Седан. Он не понимает ради чего он должен отправить своих солдат на германские пулеметы. Решение подсказывает его друг, полковник русского экспедиционного корпуса. До войны он был знаком с полковником Охранного отделения, который поведал ему о молодом послушнике святой обители... Седан был уже готов совершить воинское преступления ради спасения жизней солдат. Однако после разговора с русским другом он начинает понимать, что убийственный приказ это – испытание, которое он должен пройти. Седан возглавляет атаку, остается в живых. Судьба забрасывает его в Севастополь прикрывать эвакуацию армии барона Врангеля, где он начинает осознавать, что русская революция – ширма большой политики и практически ничем не отличается от самоубийственной атаки. разница небольшая: в атаку го-

нят своих солдат, а в революцию – народ другой страны, чтобы избежать подобного кровавого хаоса. Седан протестует и делает неожиданный выбор. Он становится сотрудником ВЧК.

Нелегко складываются судьбы других героев. Полковник Охранного отделения Тищенко принимает Октябрьскую революцию. Затем с помощью специфических методов извлекается от многих своих бывших агентов, которых сам провел на различные должности в тайную полицию Страны Советов. А дальше – Великая Отечественная война. Понимая, что грешен, он берется выполнить ответственное задание в немецком тылу, зная, что его сын точно также при исполнении.

Глава первая. Проклятые окопы

Командир 145-ого пехотного полка Лионской бригады не поверил своим глазам. На позиции пожаловал собственной персоной дивизионный генерал Шарль Огюсте, что уже являлось дурным предзнаменованием. Он собирается отдавать самоубийственный приказ о взятии предместья Сент Антуан, неожиданно подумал Седан. Эта страшная мысль почти ослепила его, заволокла тяжелым, обжигающим ядом все его внутренности. Хотелось вынуть револьвер, застрелить этого надутого индюка (без перьев) и застрелиться в конце-концов самому. Чтобы не стать свидетелем этого ада.

Этот выхолощенный старик настаивал на исполнении приказа, не подкрепляя его никакими ссылками на вышестоящее начальство из штаба Лионской бригады. «...Вы должны знать, полковник, как важен этот участок фронта, на котором дислоцируется ваш полк, – горячился заслуженный генерал; его выхолощенная, аккуратно подстриженная борода о-ла Луи Наполеон была похожа при этом на атакующий таран, который грозил смести все и вся на своем пути. Шествуя по широкой, отрытой по полному профилю траншее, он приставал к толпящимся солдатам: « Отважные солдаты! Храбрые пуалю! Вы готовы умереть за идеалы Французской республики? Да или нет, ребята? – он обводил нелепые фигу-

ры солдат своими выцветшими голубыми глазами. – По вашим лицам... вашим прекрасным, героическим глазам, преисполненным долга, я вижу: да, они готовы! И впрямь готовы...» Внезапно он положил руку на плечо мешковатому, тяжеловесному Голье из Тулона. Тот, чумазый и грязный (числился при артиллерийской разведки, этой ночью лазил по ничейной полосе) вытянулся, как приткнутый сабельный штык. «Молодец, парень! – гаркнул боевой, распекушившийся старикан. В небесно-голубой кепи с золотым позументом и щегольском плаще с прелиной он и впрямь походил на общипанного петуха. – Я вижу перед собой героя. Полковник, – с небрежной лаской обратился он к Седану. – Прошу вас подготовить списки представленных к награде. Занесите его... да, его... – он ткнул пальцем в бравую выпяченную грудь Голье, – ...фамилию в первую графу. И никаких оправданий! Я лично приколю к этой широкой, мужественной груди розетку ордена Почетного легиона...» Рядовой артиллерийской разведки, чье имя и так значилось в данных списках, повел себя достаточно странно. Он прикрыл лицо, широкое и грязное, под круглым испарянным шлемом огромной красной пятерней. Сквозь израненные о колючки и камни массивные пальцы донеслись хлюпающие звуки. Голье, никого не стесняясь, рыдал. Кажется, он уже почувствовал приближающуюся беду. «Странные у вас солдаты, мосье, – съязвил адъютант генерала Луи Этьен, прыщавый юнец с витыми аксельбантами – Неужели

они и в бою плачут? Под пулями и осколками проклятых бошей...» Взглянув в лицо Седана, он воздержался впредь от подобных комментариев... Огюсте был так добродушен, потому что боши обстреляли его штабной «Паккард» десятком шрапнелей. Стараются показать, что у него поджилки не трясутся и рейтузы из лионского шелка не подмокли, со злорадством подумал Седан. На самом опасном участке Луазанской дороги, которая тянулась грязно-коричневой змеей вдоль деревушки с сожженными виноградниками, с грудями камней вместо домов и крышами, что были исклеваны снарядами и минами. В туманном горизонте с лилово-серыми тучами боши вывесили аэростат, с которого артиллерийский наблюдатель удачно корректировал огонь батарей. Шрапнелей оказалось вполне достаточно, чтобы красноречия у него прибавилось, а ума значительно убавилось. «Да, мой друг! Этот приказ.... – продолжал он, все больше распаляясь. – Да, вы ждете приказа, и я вас отлично понимаю. Однако со времен нашего успеха на Марне настали другие времена. Фронт утратил свою подвижность и превратился в сплошную линию окопов и проволочных заграждений. Противоборствующие стороны уничтожаются огнем артиллерии, бомбометов, огнеметов и отравляющими газами. Возможно также применение неких бронированных монстров на огромных металлических катках, со стальными лентами вместо колес. Говорят, их металлический скрежет способен испугать самого дьявола! Впрочем, это только слухи,

мой мальчик... – мосье генерал почесал пальцем кончик носа с седой волосиной. Довольный силой своего внутреннего убеждения, Шарль Огюсте продолжал, точно одержимый демоном либо ведомый святым духом. – Потери при этом только утроились, и вы это прекрасно давно знаете, мосье! Точно также, вы знаете другое: среди солдат и младших офицеров брожение, вызванное скрытой революционной пропагандой, за которой, несомненно, стоят германские агенты и мосье социал-предатели. Уверяю вас, что каждый лишний день и час бесплодного сидения в траншеях только усиливает антиправительственные и антивоенные настроения в армии. Если мы хотим воевать, мы должны драться, черт возьми! Да, драться! Атаковать и еще раз атаковать врага, как бы дорого нам это не обошлось, полковник Седан! В противном случае, нам вскоре придется поднимать людей в атаку зуботычинами, а то и огнем своих пулеметов или батарей. Как вам это понравится, мосье? Никак!?! Что ж, превосходно! А то я, ваш добрый ангел-хранитель, уже начинал сомневаться в вашей истинной лояльности. Всякая затянувшаяся пауза есть подоплека лжи. Разумеется, к вам, мой друг, это ни в коей мере не относится...» Все это неизбежно приведет к бунту, сказал внутри человека внутренний голос Седана. «Кажется, я понимаю вас, мой генерал, – сказал полковник Анри Седан, заметно нахмутив черные брови под козырьком своего голубого кепи с золотым позументом. – Как нам быть с потерями в предстоящей операции? Ведь они предполагают быть

огромными... Не так ли, мой генерал? Видимо, что-то около шестидесяти или семидесяти процентов от всей численности полка. Позвольте вас спросить, мой генерал: не думаете ли вы, что колоссальные человеческие жертвы в ходе скоропалительной боевой операции... Ну, словом, это может только подхлестнуть так называемые нелояльные настроения в тылу и на фронте...»

– Мой генерал! Мне думается, что боевой дух солдат можно поднять иными средствами, – шествуя по длинному, извилистому ходу сообщения, Седан был неутомим. – Вот сюда, пожалуйста. Осторожнее! Тут солдаты развесили свое белье...

– Черт знает что! – вспыхнул генерал. Перед глазами старого вояки оказались чьи-то розовые кальсоны с перламутровыми пуговичками. – Развешат свое белье там, где не следует. Кто командует данным сектором обороны? Командира роты... нет, взвода! Капрал, – уже спокойнее обратился он к группе солдат за бруствером. – Уберите эти чертовы тряпки с моего пути. Я приказываю...

Тут их беседа была прервана шелестом «чемодана», выпущенного из крупновской «малютки», что расположились по ту сторону холмов от Бульвиля. Ширкнув неподалеку в аппетитно чавкающую грязь, эта стальная колоссальная болванка замолкла навеки, в ожидании саперного взвода

лейтенанта Де Ральмона. (Он, впоследствии, его и обезвредил, вывинтив из носовой части алюминиевую дистанционную трубку и взрыватель.) Следующие три «чемодана» разорвались неподалеку, взметнув над дощатыми брустверами высокие снопы черной, как смоль, земли. Кругом завывали бешено крутящиеся осколки рваного железа, в поисках живого человеческого тела. Бригадный генерал Огюсте (как будто осознав это) присел, оттопырив полы небесно-голубой накидки с прелиной. «...Как-то слишком театрально у него это вышло, – услышал из уст телефониста Пелена полковник. – Если б наш генерал был оперной примой из Ласкала или Гранд-Опера...» Не оборачиваясь, Седан показал шутнику со спины кулак, затянутый в коричневую замшу офицерской перчатки. Со спины хрюкнуло и булькнуло. Кажется, бригадный генерал так ничего и не расслышал, с облегчением подумал полковник. Сворачивая с Огюсте и Этьеном (адъютант отвернул кальсоны, чтобы угодить генералу) в извилистый ход сообщения, он услышал за собой раскаты неприкрытого, откровенного хохота...

– ...Мой генерал! Мои люди не готовы к исполнению таких подвигов во имя идеалов свободы Франции, – попытался умаслить его Седан. – Полк наполовину состоит из новобранцев, не обстрелянных даже во второй линии траншей. Их жены и матери, мосье... Мы за них в ответе перед Богом и Францией.

Однако «мой генерал» Шарль Огюсте был непреклонен. Это было совершенно явственно для его служебной карьеры, на туманном горизонте которой замаячил перевод в штаб армии. Со временем, его «ожидали» во 2-ом Бюро Генштаба. Он также намекал на повышение и возможную карьеру в качестве офицера Генштаба (возможно, и военной разведки) самому Анри Седану. В случае же неподчинения мосье полковнику угрожал военно-полевой трибунал. Как известно, тот был скор на расправу. Особенно с теми, кто выказывал открытое неповиновение воинской дисциплине. Хотя бы давал повод усомниться в своей лояльности. Впрочем, было ясно, что генерал не думает играть роль примитивного злого демона. В доверительной беседе за чашкой кофе с парижскими булочками круасан, угостив своего подчиненного сигарой, генерал воззвал не к патриотическим чувствам, но к интересам всего цивилизованного человеческого разума.

– ...Подумай сам, Анри, – неожиданно ласково обратился он к полковнику, потрепав его для верности за плечо, стянутое португейным ремнем. – Ты предлагаешь поступиться основными принципами военного времени, без которых мы потеряем всякую надежду на победу. Конечно, я ценю твоё желание бороться за жизни твоих соотечественников. Гуманизм украшает тебя как истинного патриота. Однако ты за-

блуждаешь в своих оценках этого человеческого дара, который делает нас непохожими на других представителей органической жизни на этой планете. Задумайся над тем, кто гибнет в тех непрестанных войнах, которые за всю историю свою ведет человечество. Ведь это отбросы общества, Анри! Парижская голытьба с Монмартре! Сыны шлюх и воров... Войны затеваются во имя святого дела – очищения человечества от подобных недочеловеческих организмов, которые вредят ему изнутри, точно самые губительные болезни. И ты должен знать об этом, мой мальчик. Проникнись этим вечным знанием – ты поймешь, ради чего Великая Матери Природа порождает таких титанов духа, как ты...

– Вы мне льстите, мой генерал, улыбнулся полковник. – Титан духа – Анри Седан... Звучит заманчиво. Даже весьма. Но я не титан духа. Я обычный человек. Солдат французской республики.

– Я тоже, мой мальчик, – улыбнулся генерал. – Я должен выполнить приказ своего начальства и выполню его. Во что бы то ни стало, милый Седан. Как и ты...

– Воры и шлюхи... – Седан проводил взором группу солдат, переносивших тяжелый пулемет «Гочкис» и оцинкованные коробки с лентами. – Интересно, что бы сказали их матери...

Попрощавшись со своим дивизионным начальником, Анри Седан, отбыл из местечка Шаньо, где располагался штаб Лионской бригады. Был он, однако, человек молодой для золотых позументов и звездочек полковника французской армии. Начал службу с 1904 года по окончании парижской военной школы, получив назначение в колониальную армию. Участвовал в боевых операциях в Марокко против местных воинствующих племен, не желавших принимать плоды цивилизации на штыках пулю. За спасение командира полка Иностранного легиона, участие в пленении одного из мятежных шейхов и ряд других героических эпизодов был представлен к республиканскому кресту на пурпурной ленточке. К началу войны, будучи в звании майора, числился в должности помощника командира 145-ого пехотного полка, подчиненного к началу военных действий на Западном фронте командованию Лионской бригады. Полковник Анри Седан, как значилось в служебной карточке, был «...офицер, подающий надежды на рост по службе, так как обладает для этого всеми необходимыми качествами, в числе коих: целеустремленность, самоотверженность и исполнительность». В этом документе также было отмечено ярко выраженное аналитическое мышление, преданность воинскому долгу и идеалам Французской Республики, товарищам по службе и прочие положительные качества. Можно было представить образ ослепительного служаки-донжу-

ана: напомаженные черные усики, лакированные штиблеты и тонкий мундир небесно-голубой саржи... Все это, вместе и порознь, сводило с ума юных дам. Очаровательных прелестниц: модисток, швей, красоток парижских кабаре, цветочниц и оперных див... (Обольстителем женских сердец Седан не был, но по причинам иного свойства, чем иные офицеры, томно подкрашивающие губы и наводящие на глаза тени.) Готового пронзить саблей в Булонском лесу любого обидчика. Или продырявить его средством поновее – пустить пулю в лоб... Либо бумажного червя, что мог часами сидеть за топографическими картами и прочими оперативными документами. Что недостойно в представлении каждого, мало-мальски чтящего законы древних мушкетеров Дюма, истого француза-офицера. Если, конечно, французский классик не врал, когда воспевал «свою» правду. О «глупом» и «кровожадном» кардинале Ришелье, что спас Францию от междоусобных войн на почве реформации и требующих своих прав представителей третьего сословия, попираемого ненасытными дворянами и прожорливым духовенством. И ухарях-мушкетерах, что выгораживали распутную королеву, Изабеллу Испанскую, втрескавшуюся по уши в британца Бекингема – типичную британскую шпионку, мосье и мадам...

Полковник Анри Седан действительно воплощал собой многие человеческие добродетели и проявлял должное усер-

дие по службе. Хотя был не без греха. Говорил на эту тему фривольно: «...Когда Господь создавал мир, где в равной степени уживается Он и враг рода человеческого, козлоногий бородач и сатир, Наш великий Создатель знал, что творил...» В свободное от службы время Анри Седан любил выпить, поиграть в карты и бильярд. Само по себе, это не считалось преступлением, если бы... Полковник обожал замужних женщин. Будучи в Марокко застрелил майора Иностранного легиона, в обворожительную супругу которого откровенно «втюхался». (Своего соперника Седан уложил не в честном поединке, а при попытке того напасть с оружием в руках. Поэтому полевой трибунал совершенно оправдал его.) Будучи в тесном офицерском кругу, играл на пари, что та или иная обворожительная мадам станет его пассией в такой-то или такой-то срок. Частенько он оказывался в победителях.

Тому были причины. Еще какие, черт возьми, о, ла-ла-ла!

В далекой молодости, будучи кадетом парижской военной школы, Анри Седан страстно влюбился в молоденькую горничную. Она приехала в столицу мод из Шампани и нанялась в дом семейства Седан за тридцать пять франков в неделю. Сезанна Легустьен ответила ему взаимностью очень скоро. Очарованная перспективой вырваться в свет, она оставила далеко позади шумную и убогую провинцию. Близился торжественный выпуск из парижской военной школы. По окон-

чании которой, на синем с красным мундире по мановению республики оказывалась золотые звезды лейтенанта французской армии. Честно говоря, он надеялся на родительское милосердие по истечению длительного срока службы в далеких, знойных доминионах. Однако судьба или сам Господь Бог распорядились по-своему с его планами. Прогуливаясь в полной форме, с галунами и эполетами, при сабле и шпорах на выходных сапогах по бульвару Мажонте, он заметил знакомую женскую фигуру в кокетливой шляпке с сиреневыми цветами. Красавица Сезанна, казалось, одиноко сидела за столиком одного из многочисленных уличных кафе под полосатым тентом. Однако что-то удержало Анри от безудержного порыва подойти к ней. Взять за плечо... На столике перед ней лежал прямой в металлических ножнах кавалерийский палаш, лимонно-желтые нитяные перчатки и синий кепи с красным помпоном с перекрещенными на тулье клинками. Это был страшный удар! Причем, в начале самостоятельной, зрелой жизни. Нет, этого не заслужил наш состоятельный и благородный юноша, который и кошки не обидел в свои неполные восемнадцать лет. Он держал это страшное потрясение в сердце своем и душе своей по сей день. Несмотря на все пережитые им тяготы колониальной и европейской войны эта кровоточащая рана не давала ему покоя. Даже под огнем германской артиллерии, в ядовито-желтых клубах фосгена, который выжигал собой всю растительность на переднем крае, превращая его в безжиз-

ненную, почти лунную пустыню, изрытую кратерами воронок и марсианскими бороздами открытых траншей с вьющейся щетиной проволочных заграждений. Все ужасы Дантовского ада казались ему ничем с потерей любимой и потерей любви...

...Он снова припал к панораме стереотрубы. Изувеченная боями земля смотрела на него по возвращению из штаба Лионской бригады. Поле предстоящей битвы – оно походило на его душу. Честно говоря, Анри Седан за несколько военных лет привык к разлагающемуся месиву трупов, к зловонным запахам мертвых и еще живых, давно не мытых, облепленных вшами тел под коростой грязи на приходящем в негодность обмундировании. Разглядывать в мощную стереотрубу нейтральную полосу с беспорядочно выброшенной наружу землей вперемешку с кольями и пустыми мешками, с блестящей, как антрацит, грязью было ему не в диковину. Он поймал себя на мысли, что люди сами заслуживают такой судьбы. Они являются зачинщиками этой ужасной, братоубийственной бойни. Кто ее развязал, если не мы сами – представители разумной жизни на этой несчастной, но прекрасной планете? Да, только мы и никто больше.

...Шелест снаряда и лохмато-черный сноп взрыва, что

взметнулся, казалось, перед самыми окулярами стереотрубы, заставили его вздрогнуть. Он на мгновение закрыл уставшие глаза. Ощущение, что привычный, здешний мир как-то вдруг перевернул его сознание и приобрел почти нереальные, призрачные очертания, никогда не покидало его. Лохматые черные всплески взрывов, пронизанные изнутри рыжими молниями, напоминали ему с недавних пор извержение адских вулканов. Скрытые до поры до времени в недрах земли, они нашли себе выход на поверхность через яростные, слепые потоки человеческого зла. Неистовое стрекотание пулеметов в тщательно оборудованных гнездах, что были выложены накатами из бревен и обложены мешками с землей, а то и с бетонным покрытием, казалось ему скрежетом зубовым. Или работой неких, изощренных дьявольских механизмов, способных своими леденящими душу звуками подчинить слабую человеческую душу. Направить ее живительную, благородную силу в русло страшной истребительной возни. Говорившие вокруг люди (вернее, призраки или тени живых существ), облаченные поверх шинелей в грязные клеенчатые плащи с навьюченными одеялами, в шерстяных подшлемниках под железными шлемами, издавали порой неестественные, нечеловеческие звуки. Полные рычания и шипения, а то и металлического лязга, который ему хотелось назвать симфонией зла. Зловещая музыка съедала ему внутренности и сжигала его душу. Можно было и впрямь сойти с ума, если впустить в себя катафонию

зловещих звуков. У многих из своих подчиненных, будь то солдаты, сержанты или младшие офицеры, он с некоторых пор видеть в глазах этот перевернутый мир. Нередко Седан думал о том, что будет с этими людьми, если они сохранят в себе это адово подобие жизни и привнесут его в обычный мир. Да, произнес про себя мосье полковник, разглядывая сквозь мощные окуляры изрытый снарядами и минами безжизненный ландшафт с одинокими, чахлыми деревцами, относительно этих потерянных людей генерал возможно прав. Бороться за жизни своих солдат нужно, не говоря уже о сохранности жизни человеческой – сухими веками...

В то же самое время очередь «чемоданов», пущенная со стороны глинистых неровных возвышенностей, где расположилось германское тыловое обеспечение, превратила на мгновение панораму переднего края в жерло кипящего вулкана. Языки неистового пламени и клубы грязного дыма вперемешку с камнями, землей и прочими бесформенными обломками выплескивались наружу, как чьи-то сатанинские проклятия. Боши явно вели пристрелочный огонь по ничейной полосе, отрабатывая возможное французское наступление на этом участке фронта. При этой мысли полковнику Седану стало страшно до холодного, липкого пота. До германского переднего края с четырьмя линиями проволочных заграждений, между которыми были установлены мины-фугасы натяжного действия, было около трех миль. По совер-

шенно ровной, как плато, местности, лишенной каких бы то ни было возвышенностей или углублений. Кроме множества воронок от давних и недавних взрывов. Передвигаться по такой равнине под ураганным артиллерийским огнем, к которому на ближней к бошам дистанции прибавятся пулеметы, огнеметы и бомбометы, что в бетонных и земляных дотах, было равносильно добровольному самоистреблению. Итак, больше половины моих людей, что мирно рассредоточились сейчас по траншеям и блиндажам, должны погибнуть, подвел итог своим душевным мукам полковник. Тут он со всей явственностью ощутил, как невидимый хладнокровный убийца, что действовал изнутри как хищная кошка, незаметно овладел его человеческой сущностью. Ему было все равно, сколько завтра погибнет на этом изрытом воронками, отравленном фосгеном поле солдат в круглых голубых шлемах со значком рвущейся гранаты, голубоватых или синих (сохранившихся с до мобилизационных времен) шинелях. Правда, с этим подступившим к нему чувством необходимо было бороться. Это он, полковник и человек Анри Седан, тоже знал. Как и то, что борьба эта происходила на том невидимом участке фронта, который зовется душой человека.

Призвав на совещание о предстоящем наступлении на местечко Сент Антуан своих младших офицеров, полковник Седан был предельно краток. Он был похож на сурового су-

дью, оглашавшего нелицеприятный, но неизбежный приговор. В своем слове, адресованном к присутствующим лейтенантам, капитанам и майорам 145-ого пехотного полка, он обратил внимание на важные обстоятельства.

– ... Вчера вечером при встрече с командиром Лионской бригады генералом Огюсте мне было приказано завтра на рассвете силами вверенного мне полка перейти в наступление и отбить у бошей местечко Сент Антуан. По данным разведки, армейской и фронтовой, включая донесение нашего отдела разведки, у противника на данном направлении – мощный оборонительный узел. Оборона бошей представляет собой четыре ряда траншей полного профиля в первом эшелоне, удаленных друг от друга на сто метров. Четыре ряда проволочных заграждений с фугасными зарядами в промежуточных полосах, – рука полковника Анри Седана в коричневой лощеной перчатке водила стеклом по карте, где черной тушью были нарисованы опорные пункты врага. – Присутствуют также четыре долговременные огневые точки, приспособленные под фланкирующий обстрел местности одновременно и поочередно из четырех амбразур. Два крайних дота бетонированы. Толщина наката полтора метра. Далее, друзья... – полковник Седан нахмурился и провел пальцем по переносице; его красное, шелушившееся от холода лицо с темно-карими, выразительными глазами приобрело измученное выражение. – По нашим последним данным, на этом

участке фронта произошла перегруппировка сил противника. Саксонцы из состава 35-ого корпуса оставили занимаемые ими позиции. Перед нами стоит Веймарская гренадерская дивизия, которая хорошо знакома нам по Марне. Мы остановили их тогда, когда они были на подступах к Парижу, одолеем и теперь. Если, конечно, сильно постараемся.... – Седан засопел как паровоз. – Итак, диспозиция на завтрашний день: в шесть ноль-ноль – артиллерийская подготовка, которая проводится силами полковой и дивизионной артиллерии; в шесть двадцать пять – начало атаки, сигналом к которой послужат два затяжных свистка и один короткий. В течение часа мы должны будем пройти три мили. Около получаса нам отводится для того, чтобы преодолеть провололочные заграждения противника и уничтожить оставшиеся фугасы. Ровно столько же, друзья, на преодоление траншей первого эшелона обороны. Штурмовым группам, основным и вспомогательным, необходимо будет безо всякого промедления справиться с остатками очагов сопротивления в пулеметных и бомбометных гнездах... Вопросы, мосье?

– Полковник, прошу прощения, если я не понимаю в чем суть поставленной перед нами задачи, но... как нам выполнить этот приказ? – спросил одними губами пехотный капитан, Пьер Гишар. Это был бледный и рыжеватый человек с бородкой и усами, что делало его похожим на командира Лионской бригады. – Неужели в штабе полагают, что

за двадцать минут артиллерийской подготовки можно подавить все огневые точки бошей? Мы потеряем больше половины от всего личного состава. Если атакуем оборону врага в лоб, по открытой местности, без проведения необходимых фортификационных работ...

– Капитан, если это произнесено вами – от сердца, исполненного любовью к солдатам, это делает вам честь, – прервал его полковник Анри Седан.

Он положил стек с сияющим медным набалдашником на круглый инкрустированный стол, что был найден в одном из разрушенных домов предместья. Посмотрел, какое это произвело впечатление, и продолжил:

– Однако генерал отдал мне приказ, который мы обязаны выполнить. Последствия в случае нашего неподчинения могут быть самые ужасные. Не мне вам это объяснять, капитан. Вы хотите нам что-нибудь предложить, мосье? Если нет, то не отнимайте время. Итак, друзья, прошу вас проверить часы и разойтись по своим командным пунктам. Завтра нам всем предстоит нелегкий день.

– Полковник... – лейтенант Де Биенье спрятал глаза под стальной шлем с эмблемой рвущейся гранатой. – Если мои люди побегут или откажутся идти в бой, как это было у других – что мне тогда делать? Я не буду в них стрелять, мосье. Никакие приказы, никакой полевой трибунал не обяжут ме-

ня сделать это.

– Это только пол беды, мосье, – засопел в усы майор Дарни, командир роты связи. – Мои телефонисты и телеграфисты... к ним, как водится, в первую очередь приходят дурные вести из штаба бригады. Второму Бюро за ними не угнаться... Так вот, один из моих связистов утверждает, что слышал разговор по аппарату. Будто, звонили из штаба бригады. Предупреждали, что на второй линии произошла замена. Лионцев сменил полк сенегальских стрелков. Они готовы будут по первому приказу Огюсте расстреливать из пулеметов бегущих. Наших пуалю, наших ребят...

– Мои ребята не заставят себя ждать, – произнес кто-то невидимый. – От этих мавров и сопливого следа не останется, если я отдам приказ кинуть гранаты...

– Французы не воюют с французами, мосье. Пока не перебиты все боши, нам не стоит убивать друг-друга...

– Молчать! – тихо произнес Седан. Все видели, как его рука в лощеной перчатке метнулась к кобуре с револьвером. – Молчать, я приказываю... Всем немедленно спать, мосье. Я уже сказал: завтра нам предстоит нелегкий день. Даже русский полководец Кутузов, как пишет об этом Лев Толстой, накануне сражения под Аустерлиц приказал своим

подчиненным выпастся. Он знал, что дело будет проиграна. Но мы ведь собираемся одолеть врага, мосье? Так-то...

Когда все офицеры, шаркая измазанными штиблетами, покинули командирский блиндаж, Седан остался совершенно один. Он задумчиво посмотрел фотокарточку Сезанны, которую всегда носил во внутреннем, обшитом замшей кармане френча с золотым галуном и звездами на стоячем воротнике. Она и сейчас казалась ему прекрасной, с распущенными каштановыми волосами и соломенной шляпке «канотье» с голубым необъятным бантом, похожим на диковинную бабочку или крылья Ангела. (Карточка была с красочной ретушью от фирмы «Salon Ms. Pedan, 1904, 11 april.) Она сама будто бы сошла с небес. Но почему она так поступила со мной, в который раз, с жесточайшей горестью подумал Седан? Как шлюха, как последняя девка с панели Монмартре. Это она сделала меня таким, бесчувственным и жалким. Я всего лишь уговариваю себя, свой ум, пожалеть всех, кто идет завтра в этот страшный, роковой бой. Я уже не чувствую и не вижу в них людей, в этих славных ребятах-пуалю. Какой вы мерзавец, право. Бесчестный мерзавец, дражайший мосье полковник! Будучи не в ладах с собой, чувствуя прилив знакомой ему по Марокко тяжести, подступившей к голове, он стремительно вышел наружу. Прохладный воздух объял его. Небо над траншеей, обшитой жердями и устланной досками и бревнами, под которыми хлопала

грязь, было покрыто миллиардами жемчужно-золотых звезд. Они пульсировали разноцветными огнями, будто посылая свои сигналы зажавшемуся, возмнившему о себе человечеству. Ему показалось, что одной из этих звезд была Селанна Легурье. Она как будто говорила с ним. «...Не забывай меня, милый Анри! – шептала девушка, закрывая прекрасные голубые глаза, намокшие от слез. – Я помню каждый твой шаг, каждый твой вздох. Как ты впервые робко обнял меня в домашней зале, у камина. Я люблю тебя, как и прежде, милый. Не верь тому, что видел...»

По траншее мимо него проследовали две англичанки, упакованные в твидовые полуспортивные костюмы. Это была прибывшая еще вчера корреспондент «Daily Telegraph» миссис Бригс, высокая и спортивная дама, а также «окопная туристка» и ее подруга мисс Беркли. Их сопровождал высокий, с закрученными, черными, как смоль усами, офицер с золотыми молниями на белой шелковой повязке – дежурный, капитан Д Алькан. С ним Седану предстоял очень серьезный разговор, который все откладывался в долгий ящик. Англичанки до смерти надоели мосье полковнику. Они лазили и днем и ночью по ходам сообщений, делали фотоснимки позиций и солдат (за плату), постреливали из винтовок «Лебель» в сторону бошей (за дополнительную плату), откуда неизменно раздавалась ответная, ружейно-пулеметная пальба. Нередко из-за них случались потери. Седану хотелось вы-

гнать обеих дам за пределы части, но этому препятствовал генерал Огюсте. К тому же муж мисс Бригс служил в штабе английского экспедиционного корпуса. Ссориться с союзниками, понятное дело, не хотелось...

– Скучаете, мосье полковник? – улыбнулась желтоватыми, лошадиными зубами миссис Бригс. Она обдала его плотной завесой английских духов. Щелкнув крышкой портсигара, протянула рукой в замшевой перчатке длинную ароматическую папиросу. – Угощайтесь, мосье.

– Благодарю вас, миссис, – Седан осторожно, двумя пальцами принял папиросу. Спрятал ее в нагрудной карман небесно-голубого френча. – Дышите свежим воздухом? Любуетесь звездами?

– ...Дорогая, мы здесь долго не задержимся – ведь верно? – мисс Беркли, окинув Седана злым взглядом, взяла подругу под локоть.

– Оставь свою ревность, Милли, – Бригс слегка отстранилась и подошла к Седану плотнее. – Идите с ней, капитан. Я вас догоню. Мосье полковник решил любезно составить мне компанию. Нам будет, о чем поговорить под звездами, – она окинула тревожно-завороженным взглядом небо, усыпанное разноцветными пульсирующими точками. Засмеялась слег-

ка глуховатым, хриплым смешком.

Обозленная миссис Беркли, окинув убийственным взглядом Седана, его ладную, подтянутую фигуру с золотыми нашивками на левом рукаве, стремительно удалилась с дежурным. «Капитан, зайдите ко мне, когда закончите свои дела», – бросил ему вслед полковник. Д`Алькан остановился и вздрогнул, будто получил удар палкой по спине. О теме предстоявшей беседы, он, кажется, догадывался.

– Мне хочется предложить вам, полковник, стрельбу, – усмехнулась миссис Бригс. Она вложила ароматическую папиросу в инкрустированный серебром муншдук. Прикурила от зажигалки Седана. – Совместный огонь по окопам, где засели кровожадные гунны, готовые испепелить всю Европу. Думается, это вас развлечет. Кстати...

– Слушаю вас, мисс, – Седану вдруг подумалось, что англичанки живут меж собой как женщина с мужчиной. О подобной любви, называемой содомским грехом или лесбийской, ему приходилось слышать. Нередко отдел военной цензуры перехватывал письма солдат, где говорилось о подобных связях в тылу, в коих были уличены мужьями их женушки. Мужчин в тылу поубавилось. Вот и ищут дамы развлечений на своей стороне. Мужеложство тоже давало о себе знать и в тылу, и на фронте. – Мне понравился оборот «кстати»

в вашем очаровательном исполнении.

— Благодарю вас, мосье, — миссис Бригс улыбнулась так, будто намеревалась проглотить его живьем. Зубы у нее были и впрямь лишены привлекательности. Зато глаза... Огромные, как озера, зеленые с искрой. Нос был прямой, как у Афины Паллады, чья мраморная статуя высилась на входе в Лувр. Пышные рыжеватые волосы были, согласно фронтовой инструкции о гигиене (дабы не подхватить паразитов) накоротко острижены, забраны под толстый шерстяной свитер, что имел воротник-капюшон. На бесформенной от коричневатого-серого твидового костюма груди висел фотоаппарат и полевой бинокль в чехле. — Так вы согласны составить компанию милой амазонке? В пулеметном блиндаже нам обоим хватит места...

Они провели за станковым пулеметом больше получаса. Миссис Бригс выпустила пол ленты. Она стреляла не зло, но сосредоточенно. Так, будто выполняла несложную, но рутинную работу. (Ее подруга, мисс Беркли, злилась при мысли от того, что ее пули, возможно, не попали в цель. Свои мысли она, не стесняясь, выражала в слух с помощью французской и английской брани.) Оранжево-красное, треугольное пламя из расширяющегося воронкой ствола «Гочкиса» озаряло пульсирующим, колдовским светом ее вытянутое, не лишенное миловидности лицо. Стреляла бы из пулемета

на позициях своего муженька, недовольно подумал Седан. Обезумившая леди Винтер...

– Надеюсь, вы получили полное удовольствие от стрельбы? – Седан почти не чувствовал холода в распахнутом на груди френче.

– Я еще получу полное удовольствие... Теперь ваш черед, – она отступила от пулемета. Жестом показала Седану, что нужно делать. – Надеюсь, вы не откажете даме.

Седан не отказал. Приложившись к гашетке, он выдал короткую очередь в сторону темной, изломанной холмами и чужими траншеями равнины. Боши точно ожидали этого. Взметнулось с десятков осветительных ракет. Зажглись бело-голубые, туманные дорожки прожекторов. По позициям полка стегнуло до десятка станковых MG-08, а также ручных MG-13 (Dreize).

– Вы попали в цель! – восторженно объявила англичанка. Улыбнувшись, как на светском рауте, она лодочкой протянула ему свою руку для пожатия. Перчатку она стянула. Седан мог оценить, что кожа у нее нежная и белая (лицо на ветру и холоде покраснело, местами шелушилось), а пальцы длинные и тонкие.

– Мне жаль, – Седан пожал ее руку осторожно, как будто это было взрывчатое вещество.

– Почему же? – англичанка подняла в изумлении брови. – Вы убили врага. Это, во-первых, мосье. Во-вторых, вами был удовлетворен здоровый мужской инстинкт. Сэр Чарльз Дарвин, мой славный соотечественник считал, что страсть к размножению, то есть влечению самца к самке, сопутствовала борьбе самцов за существование. Вы, – миссис Бригс бесцеремонно потрепала его тонкими пальцами по щеке, – отличный самец. Вы должны быть счастливы, что горсть свинца, выпущенная вами в сторону позиций, занимаемых другими самцами, нашла свою цель. Это же отлично, сэр!

Какая ж ты дура, подумал Седан. Вслух он этого не сказал...

Шествуя вместе к блиндажу, по ходу сообщения, они пропустили мимо двух санитаров, согбенных под носилками с раненым. У того пол лица было замотано бинтом, сквозь который проступали красные, как мак, пятна крови. Раненый с нашивками унтер-офицера бессвязно мычал. Силился встать на локти.

– Не стоит фотографировать, – сдерживаясь, Седан сделал предостерегающее движение. – Это я вам говорю как са-

мец...

На подходе к блиндажу руки миссис Бригс обвили его шею. Влажные губы коснулись его губ. На какое-то время они слились в поцелуе, который был одинаково мил и противен ему. Память о Сезанне будила в нем совсем иные мысли. Не пришлось бы стрелять в ее мужа, полковника его Величества короля Британии со всеми колониями.

– ...В Южной Африке я охотилась на тигра, – стремясь заглянуть в его мысли, зашептала она сквозь затянувшийся поцелуй. – Вместе с мужем, тогда еще майором Йоркширского пехотного полка. Нас было всего двое и слуга-туземец. Я увидела зверя совсем близко, в десяти ярдах. У него была оранжевая атласная шерсть на гриве и желтые, точно застывшая смола, глаза. Они живут во мне, эти тигриные глаза. В них притаилась смерть. Нелепая и случайная. Мой «Голланд», к счастью, сработал без промаха. Оранжевая в полоску шкура висит в моем кабинете. Вы – этот тигр, мосье Седан! Вы и только... – чувствуя, что Седан колеблется, она зашептала быстрее. – Ах, милое животное! Жуткий и прекрасный зверь! Ты должен взять меня, бессовестно и нагло, прямо в этой грязной траншее. Я жду твоей силы...

Вернувшись в блиндаж, Седан чувствовал себя липким и грязным. Как та траншея, в которой произошло это. На-

скоро обмывшись, он причесал волосы, зажег керосиновую плитку. Вскоре в кофейнике забулькало. В дверь блиндажа робко постучали. Это был Д`Алькан.

– ...Из «двойки» бригады спущено письмо, – Седан, ходил по блиндажу. Карбидная лампа зеленоватым светом озаряла происходящее. – Так вот, капитан, согласно этой бумаге ваша матушка родом из Саарсбрюке. В девичестве она была Клара Бруне. Все верно?

– Стало быть, я наполовину Эльзасец, – усмехнулся Д`Алькан. – Кровожадный бош в полку... Мне скорбеть по этому поводу?

– Не знаю, мосье, – усмехнулся Седан. – Садитесь, мой друг. Я не военная разведка и контрразведка. Но у меня к вам есть вопросы. Как вы сказали – у меня, бош в полку? Я не ослышался? Стоит подойти ближе...

Так как капитан молчал, опустив голову, Седан подошел к нему. Медленно прицелясь, он залепил Д`Алькану щечину. Одну, вторую. После первого удара тот отшатнулся. Затем рука его скользнула к кобуре.

– Я не буду с вами стреляться, мосье, – усмехнулся Седан. – Напрасно думаете... Садитесь за стол. Возьмите лист

бумаги в кожаной папке, — он следил как Д Алькан, точно бездушный механизм, выполнял его указания. — Пишите: «Даю слово офицера и гражданина Франции, что...»

— Я не буду писать эту ложь, — сквозь зубы молвил Д Алькан. Он расставил локти. Положил перо. — Да, мосье, я бош. Германская кровь течет в моих жилах. Что дальше?

— Мне не нужны предатели, — Седан, упревая руки, наклонился над столом. Его лицо приблизилось к капитану. — Мне нужны офицеры и патриоты Франции. Попробуйте опровергнуть меня. Впрочем, если попробуете — у вас два пути. Здесь, где вы пустите себе пулю в лоб, и там... — мосье полковник показал рукой в сторону предстоящей атаки. — Идите в сторону траншей бошей...

— Вы шутите, мосье? — Д Алькан посмотрел ему в глаза, никого и ничего не таясь.

— Мне не хотелось бы сдавать вас «двойке»...

* * *

Из дневника Анри Седана:

«...Я вызвал к себе капитана Д Алькана с тем, что бы тот заверил меня, что не является германским агентом или про-

германским субъектом. Я не добился от него ничего определенного. На мое предложение обозначить свои взгляды, он ответил решительным отказом. Если капитан Д`Алькан – германский шпион (по информации агентов „двойки“ он замечен в Саарсбрюкене с соответствующими лицами, зафиксированы беседы на определенные темы, как-то: Франция и Россия проиграет войну Германии, ибо от них отступился Господь), то его наглость или мужество – как будет угодно! – заслуживают уважения. Не могу не написать о том, как вел себя Д`Алькан-Бруне в атака на позиции б... (зачеркнуто) врага. Его батальоном был захвачен Главный дот, „Муравейник“. Думаю, что германскому шпиону было бы трудно так воевать против своих. По крайней мере...»

Там же, день спустя:

«...Они что, с ума сошли! Осатанели!?! Его взяли по решению военно-полевого трибунала за трусость и хотят расстрелять. Расстреливать нужно того, кто отдал приказ артиллерийскому дивизиону открыть огонь по своим. Я ничего не могу сделать для него. Я достоин презрения. Дерьмо, какое я дерьмо...»

* * *

...Утром ровно в шесть ноль-ноль, скучившиеся в тран-

шеях солдаты и офицеры 145-ого полка в шлемах, при полном боекомплекте, ранцах и винтовках с сабельными штыками слышали звуки артиллерийского рожка. За этим последовал раскатистый залп полковой артиллерии, состоящей из восьми 75-мм пушек. Вскоре по позициям бошей принялись работать еще орудия. Расположенная под Шанью батарея 155-мм тяжелых гаубиц принялась методично обрабатывать линии вражеских траншей с чуть заметными кочками пулеметных дотов.

Седан заметно вздохнул. Этого конечно было мало, но это было хоть что-то! Проклятые политики, проклятые генералы, ола-ла! Это же надо, они рассчитывали на скорострельные 75-мм пушки, а боши врезали им из своих тяжелых «свинок»?! В резали не им, а солдатам.

Полковая артиллерия утюжила проволочные заграждения. В клубках земли и темного дыма взлетали мотки колючей железной паутины с обломками кольев и деревянных рогаток, на которых была закреплена спираль Бруно. Орудия более крупных калибров сеяли смерть и разрушения в оперативном тылу бошей. В первую очередь, эти стальные гиганты с колоссальными жерлами, что выбрасывали тонные стальные «чемоданы», были призваны уничтожать вражескую артиллерию, опорные и наблюдательные пункты, склады боеприпасов, долговременные огневые точки под земляным, дровяным и бетонным покрытием.

Взирая на смертоносную работу артиллерии, полковник Анри Седан почувствовал некоторое облегчение. У него уже не было той тягостной дремоты, которая овладевала им с утра после бессонной от страданий ночи. Трех накатный командный блиндаж, в котором расположился он сам и штаб полка, надежно укрывал его от утреннего холода. Впереди, кипела и кишела огненно-черными, титаническими вулканами прежде знакомая, а теперь не привычная на глаз местность. В штабе не было той обыденной толкотни, каковая наблюдалась повседневно. Его подчиненные выглядели сурово и молчаливо; кто-то с вечера, а то и с ночи гладко выбрился. Мишель Копье, молодой еще парень из Марселя, что сидел перед полевым телефонным аппаратом «Эриксон», благоухал тонкими парижскими духами. Полковник Седан время от времени использовал полевою связь, уточняя обстановку и настроение своих подчиненных. Командиры батальонов отвечали ему сквозь щелчки и шум взрывов, что готовы к атаке; сержантам штурмовых групп выданы фугасные и фосфорные гранаты.

– Мосье полковник! Вас просит к аппарату полковник Курочкин из состава русского экспедиционного корпуса. Его полк, помнится, держит оборону на нашем левом фланге, – необыкновенно сухо отрапортовал молодой телефонист Мишель Копье. Худое, с легким золотистым пушком лицо под голубой каской тоже было чужим. – Вы будете говорить

с ним, мосье полковник?

– ...Мосье Седан, вы намерены атаковать германские позиции? – спросил его полковник Курочкин на том конце провода. Там, где занимал позиции русский полк из экспедиционного корпуса, что был отправлен во Францию по приказу царя Николая II после битвы на Марне, было тихо и спокойно. – Это будет один из самых черных дней в истории французского оружия. Задумайтесь, Седан. Мы оба солдаты. Вы служите французской республике, я же русской монархии. Но, прежде всего наше призвание – быть людьми и заботиться о других людях, мосье. В данном случае, речь идет о наших солдатах, которых не редко шлют на убой. Смерть за Отечество – прекрасная смерть...

– Вы призываете меня приступить военную присягу, мосье Курочкин? – прохрипел Седан, зажмуриваясь; кровь горячими толчками била в голову, препятствуя думать и чувствовать то, что происходило сейчас в этом мире. – Вы понимаете, к каким последствиям приводят такие «невинные» разговоры? Вы зовете меня совершить преступление, мосье! Вы с ума сошли...

– Нет, с ума я не сошел, мосье, – Курочкин настаивал на своем. Этим все больше нравился Седану. – Мы готовы поддержать вас огнем. В случае если по вам будет стрелять

воинствующее племя с полумесяцем, – он намекал на сене-гальцев, на шлемах которых был белый полумесяц и звезда, – мы также готовы поддержать ваших ребят. Огнем из всех орудий и пулеметов. Только по другим целям, мосье, – нарочито громко, словно адресуя это кому-то другому, добавил он напоследок.

Полковник Седан опустил трубку на рычаг полевого телефона. По стихающему гулу взрывов он определил, что арт-подготовка подходила к концу. Теперь начиналось страшное: атака в лоб по ничем не защищенной местности. На проводочные заграждения, земляные и бетонные укрепления бошей. Больше половины его людей должны были испятнать эту бурую, изрытую воронками землю трупами в небесно-голубых или темно-синих шинелях. Это было непоправимо, и это должно было случиться. Как вдруг...

– Полковник, если мосье Курочкин будет звонить вам – как мне поступить? – глаза Мишеля под голубым шлемом (Adrian, 16) значительно оживились. – Иными словами, вам передавать трубку? Или...

– Да, конечно, – полковник почувствовал прилив вины к сердцу, так как посмотрел на ручные часы. «...Седан, от всех несчастий, коими изобилует этот мир, – еще раз пронеслось в его голове. – Храните этот святой образок вечно,

и...» До атаки оставалось десять минут. – Давайте трубку, Мишель...

В дали пронзительно заиграл артиллерийский рожок. Ему мелодично вторили офицерские свистки. Они выдавали сигнальные трели, зовущие людей в атаку. Вот оно, начинается...

– Атака начинается? – прозвучал женский голос на плохом французском. Это была миссис Бригс. – Мы не помещали? – она выглядела посвежевшей, будто сошла с полотна фламандского живописца.

– Мадам, прошу вас удалиться, – стиснул зубы полковник.

– Это вы говорите мне? – с вызовом произнесла миссис Бригс. – Вы еще пожалеете об этом, Анри...

– Убирайтесь к дьяволу, мадам, – сурово сказал Седан. Его взгляд медленно обволакивал съежившуюся англичанку. – Если я вернусь, то вернусь очень злой. Я ненавижу оставшихся в живых, – он незаметно подмигнул Копье, у которого трубка чуть не вывалилась из рук. – Так что убирайтесь. Мой вам совет.

– Подлец... – лошадиные зубы англичанки заскрипели. –

Поганый лягушатник...

Полковник Седан на мгновение чуть не лишился чувств. Так сильно обожгло ему грудь. Под шелковой сорочкой был спрятан золотой образок, который подарил ему полковник Курочкин. После того, как русские заняли позиции на левом фланге, сменив там сенегальских стрелков из колоний, они пили в этом добротном блиндаже вино «Бордо» выдержки 1871 года. Праздновали будущую победу над «кровавым кайзером» и «кровожадными бошами» (Курочкин называл их «тевтонами»), то и дело произнося тосты за царя Николая II и французского президента Клемансо. После того, как в который раз столкнулись бокалы из севрского, мелодичного хрусталя, полковник Курочкин расстегнул крючки своего стоячего зеленого воротника с красным кантом. Снял с шеи книжицу из чистого золота с образом Святого Сергия Радонежского. Со словами: « Этот подарок охранит вас, мо-сье сохранит вас навсегда!» – вручил его своему французскому союзнику, которого этот поступок русского друга тронул до глубины души. Сейчас этот святой символ ожил. Он пора-зил Седана в самое сердце какой-то невидимой, явно не человеческой, но Божественной Силой. Было ясно, что пришла пора окончательного решения. Смолкала артиллерий-ская подготовка. Памятуя о том, что в ходе этой «блестящей» операции суждено было сложить головы сотням своих со-отечественников, полковник Седан медлил. В этом ужасном,

перевернутом до неузнаваемости мире, имя которому «война» и «смерть», все потаенные чувства его обострились. Он ощутил, что этот простой звонок по телефонному аппарату «Эриксон» имел судьбоносное значение. Ему надлежало сделать выбор между жизнью и смертью. Все было ясно и пугало, как пугает всякого смертного осознание правды. Либо он пошлет на верную гибель, повинаясь приказу генерала Огюсте и его таинственной морали о «вечном знании» своих солдат, которые, вжавшись в окопные брустверы, ждали сейчас сигнала. Либо, нарушит злодейский приказ, повинаясь законам совести, Вечного Судии, что было смертеподобно для него, офицера французской армии. Он обретет свое бессмертие в этом конечном, безысходном для всего человечества, проклятом мире. Так, во всяком случае, представлялась ему картина всего мироздания в настоящую, полную трагичности минуту...

Видя, как небесно-голубые с синеватыми крапинками цепи, блестя на Солнце длинными сабельными штыками, устремились в атаку, он бросился из блиндажа. Неведомая сила бросила его наружу, на пропитанный тротилом, спертый, душный воздух. Мглистый от дыма пожарищ, взлохмаченный от недавших взрывов горизонт медленно оседал в себя. Его неровная, изломанная полоса выравнивалась в его сознании. На ходу, надевая шлем, Седан несясь вперед. Полы его суконного плаща с клеенчатой подкладкой (от дождя)

развивались как крылья Ангела Смерти. Он распустил кожаные тесемки на груди – плащ унесло ветром... Скользя по антрацито-черной и коричневой грязи, перескакивая через опорные сваи и поднятый из траншей лесенки, он стремительно бежал вперед. Извилистые углубления, обшитые дерном, в которых только что пили, ели, чесались от паразитов, замаливали грехи и надеялись его люди, не были для него зримым препятствием. Он просто не замечал их. Почти физически он ощущал позади себя рыльца пулеметов сенегальских стрелков, осязал их напряженные, намокшие от пота смугло-коричневые или оливково-желтые, как сама грязь, лица. Небо далеко впереди, над передним краем бошей покрылось в дыму и копоты шнурами сигнальных ракет. Донеслись первые раскатистые залпы крупновских пушек. Ого, девятидюймовки! Несладко придется нам всем. И ему, следовательно, тоже...

* * *

...Только от этого меня увольте, милейший! – устало махнул чекисту собеседник. – Я не из тех господ или по-нынешнему товарищей, что бросаются словами на ветер. Туда-сюда... У меня несколько иные взгляды. В том числе, на сотрудничество с вами. Власть есть власть. Аппарат насилия, то бишь правоохранительные органы, ей, как говорят хохлы, треба позарез. Без них любое государство сгинет на кор-

ню. Это будет почище, чем глад или мор! Семь чаш с язвами, что в Апокалипсисе, покажутся детским развлечением! Поэтому, когда вы, милейший товарищ... – собеседник нахмурил тронутые сединой, русые брови, затопорщил ладонью такой же, стриженный по-аглицки ус, – ...уполномоченный ВЧК по Замоскворецкому району, согласно вашему мандату, берётесь распропагандировать меня на сей счёт... Будто наступит время, когда все будут равны, в том смысле, что не будет ни бедных, ни богатых, а карательные органы будут отсутствовать за ненадобностью... Мягко говоря, это наводит на размышления не в пользу вашей конторы да и вас лично.

– Бросьте! – юный чекист в синей кожанке и таком же приямом картузе, перепоясанный туго офицерскими ремнями, с маузером в громоздкой деревянной кобуре был неумолим. – Паче чаяний, наши лозунги верны и понятны! Это мысли древних схоластов и агностиков. Таких как Платон, Сократ... Ну, и христианских философов, включая Нагорную проповедь и Новый завет Иисуса из Назарета! Там что-то говорится про богатого и про угольное ушко, через которое этому богатому трудно будет попасть в рай. Если правильно вчитаться в десять заповедей Сына Человеческого, вот он – коммунизм! Вот оно – совершенное общество! А вы, милейший, говорите – утопия-с...

– Я так не говорил! – усмехнулся «милейший». – Тем более так – утопия-с... Терпеть не могу это лакейское «с». А что до совершенного общества, то помните: в откровениях Иоанна Богослова говорится о внутреннем дворе храма, что на небесах, и что будет спущен на землю. В канун Страшного суда. Толпы людей заполонят его внешний двор, но лишь единицы обретут двор внутренний. И Новый Завет, где говорится: «Много званых да мало избранных». Это как у Бердяева, что взялся проповедовать, будто искусство – удел избранной расы. Словечко-то какое, избранной! Псевдопро-рок...

– Бердяев?... Это тот, кого в поэтических и философских салонах называли чёртоискателем? – нахмурил свои карие, круглые глаза юноша из ЧК. – Ну, да ни в нём дело. Дело по-прежнему в вас, дорогой Валериан Арнольдович. И в нас, новой власти. Что представляет интересы трудового народа. Той самой сермяжной, серой массы, что взялась за винтовки в августе 14-го. А сейчас требует мира без аннексий и контрибуции. А вместе с ним – насущного: фабрик, заводов и земли. Надеюсь, он заслужил всего этого, Валериан Арнольдович? Или снова введём подушные платежи! А рабочих заставим гнуть спину на военные заказы. Чтобы шрапнели и гранаты с Сормовского и Путиловского калечили на фронтах германского пролетария и германского хлебопашца? А владельцы этих заводов бесились с жиру...

– Мне ваша мысль понятна, молодой человек, – Валериян Арнольдович перестал крутить ус. – Я вот что подумал: а не пора ли нам присесть? В ногах, как говорится, правды нет.

Он прошёлся по круглой гостиной. Стены были оббиты зелёными шёлковыми обоями стиля «модерн» с портретами в золотом багете. С холста, исписанного маслом, смотрели привычные для старого времени и дикие для нового пейзажи. Парад на Марсовом поле, государь Павел Петрович в облачении мальтийского рыцаря, боярыня Морозова с рукой, вытянутой в двуперстии... В то же время – «Девушка с персиками», «Таинственная незнакомка», «Штурм снежного города»... Вот такие вот вкусы! Изящная мебель с выгнутыми спинками орехового дерева была покрыта замшевыми чехлами от пыли. В правом, то бишь красном углу теплился огонёк над лампадкой, светились золотом золотые оклады икон, с коих сурово взирал лик Спасителя, Богородицы и Архистратига Михаила. Сам хозяин, бывший полковник охранного отделения, что разгуливал в плисовом халате с серебрянными кистями, с украинской фамилией Тищенко, симпатизировал большевикам и левым эсерам. Среди последних у него был сильный покровитель. Поговаривали, будто сам товарищ помпред ВЧК. Поговаривали...

– Ну так вот, милейший уполномоченный ВЧК, – Тищенко прохаживался вдоль стены с камином (гора дров была навалена в прихожей). – Ваш с позволения сказать мандат подписан товарищем Петером, полномочным представителем коллегии Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с бандитизмом и контрреволюцией. Видным членом партии левых эсэров. В прошлом... Теперь возникшем в таком качестве: ловца человеков! Уже здесь мне видится одно непримиримое противоречие. У власти – две партии. Российская социал-демократическая рабочая партия, они же большевики. И товарищи левые эсэры. Они же некогда просто – социалисты-революционеры. А... Так ещё – товарищи анархо-синдикалисты. С товарищем артистом, Мамоновым-Дальским, его опиумными делами. Это не двоевластие – трёхвластие получается на Святой Руси! Не находите, что для сыска, иметь у себя в начальниках и подчиненных представителей трёх независимых общественно-политических течений, это самоубийство?

– Это вопрос времени, – опустил глаза чекист. Его плечи в синей коже, туго стянутые коричневыми ремнями, с хрустом заходили ходуном. – Мы этот вопрос решим, Валериан Арнольдович.

– Ага! Как во времена парижской коммуны. Или Великой французской революции. Мосье Гильотен поможет. Вру

или нет?

– Ну, ни без этого. Однако, товарищ Петер прав. Новой власти нужны специалисты такого уровня, как вы. Тем более, сочувствовавшим нашему движению. Боровшихся с царизмом. Меня уполномочили вам заявить, что вы истребованы в должности консультанта по становлению и формированию органов ВЧК.

– Вот как? Ни много, ни мало... Я польщён, разумеется. Отвечу сразу: в любое время ко мне можно обратиться за советом. Или как изволил сформулировать свою мысль товарищ Петер, за консультацией. Пусть направляет ко мне с мандатом любого из своих сотрудников. Любого... – спокойные серые, но с хитрицей глаза бывшего полковника охраны скользнули по молодому, округлому лицу кареглазого молодца в кожане. – Предпочтительнее вас, разумеется. Лихо рассуждаете и анализируете. Знаете дореволюционных персоналий и их связи. Бердяев-то, наш... наш-наш, из агентов под прикрытием. А салон его и не только его – прикрытия для оперативных комбинаций. Так что, первый совет: возьмите на учёт «Б» этих господ. Всех до единого, кто до февраля и октября сего года ругал деспотию. И ждал «с надеждой упоения» в виде гражданских свобод, Учредительного собрания и демократической республики. По английскому или французскому образцу. Это всё наш контингент. Они

по мере развала системы политического сыска стали перехватывать наши связи. И подчинять их.

– Учёт «Б»? Что это?.. – с сомнением и любопытством протянул молодой человек из «чрезвычайки».

– Ну это вам товарищ Петер лучше меня расскажет. Просто запомните и передайте. Что до остального, то – при вашем ведомстве нужно как можно скорее открыть специальные курсы обучения. Для ваших же сотрудников. Чтобы они мало-мальски знали, что и как им делать. Оперативные навыки это не охота на перепелов и не рыбалка. Этому учатся годами. К этому, мой батенька, призвание надо иметь. Вы думаете, набрали рабочих от станка, одели в кожу самокатчиков, вручили им браунинги или... гм... гм... и получили сыскари от Бога? Вы скоро сам почувствуете в себе, кто вы: оперативник от Бога или его жалкое подобие. Следует хотя бы учить кадры! Здесь я готов заняться преподаванием азов оперативного мастерства, криминалистики и баллистики. Буду отдавать всего себя.

– Спасибо, товарищ Тищенко! Обязательно передам Роману Оттовичу.

– Вместе с нижайшим поклоном. И ещё: покорнейше прошу – передайте, чтобы ко мне ходили только подготовленные

товарищи. В прошлый раз пришёл некто Топорников, тоже уполномоченный. Так он за наган стал хвататься – за контр-революцию готов был меня расстрелять!

Из скромности Тищенко умолчал, что прежде, чем Топорников извлёк из кобуры, которой он и пользоваться не умел, свой револьвер, то рухнул на ковёр гостиной. Дабы остаться в живых и вразумить молодого болвана, экс-полковнику охранного пришлось оглушить его хуком правой. Так как уполномоченный прибыл «на моторе», то Тищенко пришлось выволочь его с помощью швейцара на крыльцо. Сдать в заботливые руки чекиста-шофёра. А конфликт, как повод для хватания за наган, был пустяковый: Топорникову по всей видимости не пришлось по душе обращение «милостивый государь». А может, где-то нюхнул кокаину. То-то зрачки у него были навек.

Пред уходом, вежливо отказавшись от чашки цейлонского чая, чекист выложил Тищенко с десятков имён и фамилий, записанных на бумажке химическим карандашом. Она была извлечена из-за борта кожанки, сложенная вчетверо. Тищенко, уговорив его присесть за овальный стол с подсвечниками, затребовал список себе во временное пользование. Молодой чекист нерешительно подвинул разглаженную бумажку. Но краем ладони решительно вдавил её в зелёную шёлковую скатерть с узором «решилье». Напротив отдельных фа-

милий Тищенко, подумав, поставил синие или красные кресты. Другие просто подчеркнул серым отточенным грифелем. Этот список, согласно которому, одних лиц требовалось взять на работу в ВЧК, а других – забраковать и взять под наблюдение, остался загадкой для юного чекиста на долгое время.

– Имейте ввиду, что все сомнительные бумаги в сыскных ведомствах либо берутся на особый учёт либо немедленно уничтожаются, – неожиданно нахмурился Тищенко, возвращая документ. – В данном конкретном случае, держите его так, чтобы чувствовать, что он всё время при вас. Как сейчас – за пазухой вашей кожанки. Если такого рода бумага выработала своё, немедленно уничтожьте её. Ни сходя с места! Лучше всего, сожгите. Любой клочок с цифрами, фамилиями или словами, в коих есть служебная тайна, если ему суждено затеряться, может сослужить плохую службу. Попади он к вражеской агентуре или даже к вашим нерадивым товарищам. Это как ружьё по господину Чехову, что когда-нибудь да выстрелит, если повешено на стену. Вы меня понимаете, товарищ Крызов?

– Кажется, да. Как военная тайна на фронте: какие части стоят на передовой, каковы места их постоянной дислокации, снабжение... Одним словом, любое просачивание информации о противнике заставляет его противника действо-

вать в этом направлении.

— Что ж, решительно вы начинаете мне нравится! Из вас выйдет толк. Можете это передать товарищу Петеру. А можете и не передать. От этого ничего не изменится. От чая вы отказались на этот раз. Попотчую вас им в другой. А пока позвольте вам, товарищ сыскарь, пожать руку. Честь имею!

Крыжов, едва не споткнувшись о уложенные тщательно дрова, вышел вон. За спиной кракнув английским замком, затворилась массивная дубовая дверь. Сбежав по извилистой лестнице в стиле ампира, с лепным потолком с амурами и психеями, Крыжов оказался на первом этаже. По обе стороны от мраморной лестнице, где расположились дворничья и дворецкая, висели скульптуры Титанов, что держали на своих мраморных спинах арку. Слабо горели электрические светильники в стеклянных плафонах. За стеклянными дверями на пневматическом запоре высился саженного роста швейцар в коричневой ливрее и расшитой золотом фуражке. На его груди сквозь седую бороду просвечивали чёрно-оранжевые ленточки четырёх «георгиев». Полный «егориевский кавалер», как сказали бы на фронте.

Выйдя на крыльцо парадного (дверь была предусмотрительно распахнута), Крыжов непонятно почему отвесил полупоклон старцу-швейцару. Тот удивлённо насупил пуки се-

дых бровей и также поклонился. Затем ещё более ошалело протянул руку для предложенного Крызовым рукопожатия.

— Новая жизнь, отец, начинается! — сказал тот с глазами заговорщика. — Ни господ, ни хозяев. Только товарищи. Одним словом, сплошное равноправие. Так что двери передо мной открывать и закрывать больше не надо.

— Поглядим, какое оно время, — произнёс старый солдат. — Ноне одно, а завтра другое. Молодой ишо, барин. Жизни не знаете. А судить берётесь о ней.

— Ничего-то вы не смыслите в новой жизни, отец! Да, что уж там. Мне и самому не верится временами. Но зато, как подумаю, так дух захватывает! Всё у нас получится, отец. Счастье для всех! Ради этого стоит жить и даже умереть.

— Рановато о смерти помышляешь, соколик. Ну, да ладно. Христос с вами, ребята.

Плюхнувшись с разбегу в замшевое сидение «рено», Крызов понёсся по Замоскворецкому району. Без кожаного, как у тарантаса, верха поддувало. Но испортился какой-то зажим на пружине откидывающегося верха. Пришлось довольствоваться тем, что натянуть кожаные фуражки по самые уши, поднять отвороты тужурок. Шофёр замотал лицо шер-

стяным шарфом. Оно кроме всего было покрыто дымчатыми автомобильными очками, что придавало ему фантастический почти марсианский вид. Уллы-уллы...

– Читали Уэллса, товарищ? – перекрикивая треск трёхцилиндрового двигателя, заорал Крыжов. – «Война миров», я вам скажу, мировая вещица! Советую...

– Просто Кузьмой меня зови! – заорал в свою очередь тот, нажимая на резиновую грушу клаксона: на мостовую выпала из-за ветхого заборчика рабочая детвора. – О чём там? Вкратце наговори.

– Пришельцы с Марса атакуют Землю, – начал Крыжов. – На металлических цилиндрах врезаются в неё, а затем с помощью теплового луча и ядовитых газов... Во общем, пытаются стереть нас как пыль! Правда, ни черта у них не выходит. Но я дальше рассказывать не буду. Не интересно...

– Как знаешь, дорогой! Тебя ведь Павлом кличут?

– Агась! Как апостола, что шёл в Дамаск и которому Христос явился.

– Хе-хе! Апостол выискался. Хотя, резон есть. И тот, Христос, был за бедных, и мы. Линию держать надо. Линию...

Тудыт их! Я ж задавлю и тебя, и дитя, дура стоеросовая! — внезапно заорал он на какую-то молодку, что несла посреди улицы укутанное в шали тельце. — Дура и есть. Оглашенная... А книжку прочту. Знатная она, как ты рассказал. Дюже войну напоминает.

* * *

...Севастопольский рейд был слабо освещен и, поэтому казался мертвым. Кругом накрапывал легкий дождик, да волны прибоя мерно плескались о склизкий бетон. В темноте гулко отдавались шаги французских часовых. Чавкая подкованными ботинками, они прогуливались по пирсу взад и вперед подле мертвенно-серых броненосцев и дредноутов под трехцветным вымпелом. Жирную, как вакса, темноту оглашали «ревуны». Вахтенные матросы на французских военных кораблях перекликались, таким образом, между собой. Оглашали, что происшествий, слава Святой Деве, никаких. Точно говорили между собой сами стальные громады, ошетиленные пушками, из серого, клепано бугристого металла. Город, что раскинулся вдоль высокого скалистого берега, лепившийся на возвышенностях и в низине десятками одноэтажных мазаных хибар, сиял многочисленными золотисто-красными огнями. Шумные кабачки, гостиницы и бордели, опиумные и карточные притоны были заполнены до отказа. Французские пуалю в небесно-голубых мундирах,

солдаты-легионеры в лимонно-желтых кеппи, зуавы в расшитых синих куртках и красных фесках, тьма-тьмушая белых офицеров из Корниловских, Кутеповских, Марковских и Дроздовских полков. В черных и грязно-серых, изорванных о колючую проволоку, пробитых пулями и штыками, посеченных осколками и саблями шинелях, бекешах и полушубках. Со страшными угловатыми шевронами из красных, синих и белых полос, сшитых воедино. Точно несли они на рукавах частицу знамени Великой Французской Республики, хотя эти же яркие цвета символизировали саму Россию. С адамовой головой, где были «пиратские», скрещенные кости... Пропахшие спиртовым угаром, запаршивевшие от грязи и пота, но сохранившие при этом внешний лоск и приятные манеры, они умудрялись играть и проигрывали целые состояния. Нередко оплачивали долги рублями еще николаевской чеканки или обмененными на них (по текущему курсу на «черной» бирже) ядовито-бледными, точно болотная водица долларами, запечатлевшими первого американского президента в белоснежном парике с буклями. Кромешной ночью на пирс вышел молоденький поручик-корниловец в черной гимнастерке с оранжевыми георгиевскими ленточками и белыми крестами на всю грудь. Осмотрелся по сторонам, послушал шум прибоя и крики сварливых чачек. Молвил: «Пропала Россия, господа! Трагикомедия под названием «белое движение» подошла к концу. Впереди одна тьма, туман и пролив Босфор, который примет наши

мертвые души. Бесы-большевики и их черный гений, антихрист Ленин, одолели нас. И поделом... Пусть все и вся летит к чертям. В преисподнюю. Оревуар, господа. Занавес...» Безусый юнец с золотыми звездочками на черно-белых погонах поцеловал раскрытый медальон на серебряной цепочке. Истово перекрестившись на серебряную луну, достал из внутреннего кармана тупорылый браунинг и выстрелил себе в сердце. Обмякшее тело, взмахнув руками окрест, точно крыльями, полами черной Корниловской шинели, упало в веер соленых брызг. Навстречу холодной зеленой волне, которая приняла его в свои объятия...

Вот прекрасная смерть, вспомнилось Седану чьи-то слова. Все силился вспомнить и, наконец, вспомнил: они из романа русского писателя Льва Толстого «Война и мир». Запахнувшись в офицерский плащ с прелиной, он поднялся по Портовой улице. В спину дул промозглый морской ветер. По мощеной булыжником мостовой, которая наверняка помнила удары английских и французских ядер времен севастопольской осады, летели обрывки старых газет. Тарахтя, кувыркалась в потоках воздуха консервная банка. Прыгал по каменной, бугристой поверхности старый башмак с выпирающими на носке гвоздями. Новокрещенный переулок и Корниловская набережная (в честь адмирала Корнилова) были забиты врангелевскими войсками. Теснились снятые с передков пушки, обозные фуры и санитарные повозки.

Между поставленными в козлы винтовками кто-то спал, завернувшись в шинели. У коновязи, где шумно жевали сено казачьи лошади, столпились и сами наездники. Угрюмые, бородатые казаки (потомки тех *las kasaks*, что вступили в Париж в 1813 году) в лихо заломленных папах с алым верхом, в подбитых верблюжьей шерстью башлыках. По обрывкам чужих, топористых слов и смачной русской брани Седан понял, что красные, опрокинув последние заслоны добровольцев на Кубани, вышли к Черному морю.

...В штабе французского гарнизона Севастополя стало известно о каком-то таинственном приказе, полученном по телеграфу из Парижа. В нем говорилось, что «...недопустимо потворствовать преждевременному вводу войск белого движения Юга России в город и их эвакуации, так как верным следствием этого губительного свершения будет рост эпидемий и дезорганизации». Для того, чтобы не допустить белых в порт, адмирал Дюрок приказал открыть заградительный огонь главным калибром на флагманском броненосце. Один из знакомых Седана, офицер 2-ого Бюро (военная разведка), проговорился, что стрельбу корректировали с берега какие-то странные русские. Они постоянно давали «неточные» ориентиры. Снаряды флагмана то и дело попадали не в цель – в самую гущу белых полков. «...Дело в том, что эти корректировщики были из местных пролетариев, – объяснил Мише, принимая очередную рюмку конья-

ка; сигарный дым ел ему глаза, которые постепенно наливались кровью. — Эти русские давно уже сотрудничают с нашим отделом. Поэтому мы их не особенно притесняем. Большевики-большевиками, а война-войной... Пусть белая Вандея воюет с красными якобинцами хоть до второго пришествия! Мы не должны препятствовать этому. Русские истребят в это боине своих смутьянов и бунтарей до седьмого колена. Это же здорово, черт возьми! Франции такая селекция даже и не снилось...»

Это же бесчестно, тогда же подумал Седан. Стрелять по своим союзникам, с которыми мы мужественно сражались против бошей. В сырых, а то и залитых водой окопах. Под Марной, Верденом и Соммой. Разве полковнику Курочкину пришла бы в голову мысль открыть огонь из пулеметов и пушек по отступавшим французским частям? Хотя бы в том страшном бою. За предместье Сент Антуан, когда от полка осталось едва половина солдат и офицеров. Седан, по велению саднящего от боли сердца, возглавил эту губительную, бессмысленную атаку. Он видел кровавые ошметья, вылетающие из тел его солдат, которых прошивали на вылет пули и осколки бошей. Огненно-черная полоса разрывов поднималась то впереди, то позади наступающих. Мучительным был каждый шаг французской цепи. Седан вспоминал перекошенные от ужаса лица германцев под серыми, глубокими шлемами. Их тянущиеся к небу руки с дрожащи-

ми, посиневшими пальцами. «Kamrad! Nixt chosen!» – орали они, надеясь на пощаду. Все было тщетно...

«...Мосье! – крикнул он в лицо, точно бросил перчатку, генералу Огюсте. – Мне доложили, как вы справлялись о продвижении полка на позиции бошей. Когда они прижали нас к земле перед первой линией траншей, мой телефонист слышал, как вы поручили своему адъютанту связаться со штабом артиллерийского дивизиона. При этом – о, бесчестный человек! – вы сказали: «Подвергнуть обстрелу ориентир «В-2». Это же первая линия проволочных заграждений у бошей! Я бы с удовольствием застрелил вас перед штабом... нет, перед строем своего полка, предварительно сорвав галуны и выщипав вашу дерьмовую (merde!) бородавку. Но во мне еще осталась честь, и я не сделаю этого. Пусть вас покарает Всевышний Бог, наш Вечный Судья. Ведь его именем вы не раз прикрывали свою грязную душонку, когда посылали тысячи людей на смерть. Их кровь на этих руках,» – сказал он напоследок, вытянув перед побелевшим от страха генералом свои грязные, исцарапанные пальцы со сбитыми в кровь ногтями.

У разбитой снарядами часовни с каменным распятием, у которого осколком была отбита верхушка головы с терновым венцом, стояли офицеры штаба в щегольских прелинах и начищенных штиблетах. Никто из них не проронил

ни слова. Всем было ясно, что без последствий этот выпад не останется. Судьба и карьера полковника Седана предрешена. Не сегодня завтра он предстанет перед военно-полевым трибуналом. Ему было все равно, чем закончится этот трагедийный фарс. Седан добрался на санитарном грузовике до позиций русского полка. Полковник Курочкин выглядел потеряннным. Предложив рюмочку «Бордо» выдержки 1830 года (из трофеев, отбитых у бошей), он признался: генерал Огюсте связался с ним по телефонному аппарату. Предложил написать рапорт на имя председателя военно-полевого трибунала: дескать, полк Седана плохо шел в атаку. Смешав ряды, бросая оружие, пытался бежать с поля боя. Было это по времени как раз за пятнадцать минут до того, как Огюсте поручил своему прыщавому адъютанту Этьену связаться со штабом артиллерийского дивизиона...

«...Нет, мой друг, как вы понимаете, я ответил категорическим отказом, вымолвил со скорбью полковник Курочкин; его подстриженная, седеющая борода мерцала в тусклых лучах керосиновой лампы „летучая мышь“, что раскинулась жестяной тарелкой на бревенчатом потолке блиндажа. – Я скорее напишу председателю военно-полевого трибунала о том, что этот мерзавец велел мне состряпать гнусный донос на вас, Седан. Нет, какая сволочь... Сотни людей были убиты под ураганным огнем бошей, четыре линии траншей были взяты. Я был свидетелем, находясь на НП, что вы

проявили величайшую доблесть – возглавили эту самоубийственную атаку. Нет, какой мерзавец... Поверьте мне, Седан, я всегда был всем сердцем с Францией. Никогда не приходило в голову, что вы „лягушатники“ или пьете прокисшее вино. Вы пытались покорить Россию в 1812 году. Ну и что? Не злорадствовать же мне по этому поводу! А уж отыграться за поражение в Крымской компании...»

«Вы правы, Курочкин, – печально улыбнувшись, молвил Седан; он обмыл лицо водой из блестящего оцинкованного ведра и выглядел бодрым и посвежевшим. – Порядочность или подлость никогда не принадлежали одному классу, одной религии и тем более одной стране. Как много я за свою жизнь слышал неприятного о представителях других народов: о турках, алжирцах, сенегелах, марокканцах. Когда я гонялся по знойной пустыне за мятежным шейхом, я всей душой возненавидел этого жестокого человека. Его войны-кочевники причиняли нам страшный урон: за месяц я потерял до сорока процентов своих солдат в кровавых стычках. Мятежники отравляли колодцы, и мы вынуждены были освежать полость рта... Нет, не поверите! Верблюжьей мочой! Но я оказался не прав в отношении ко всем бедуинам. Один из них подобрал раненого французского драгуна. Тайком лечил его. Хоронясь от своих соплеменников. Мои солдаты расстреляли из пулемета всю его семью в отместку за жестокость главаря-шейха! Помню другой случай. Когда шла бит-

ва на Марне, мы взяли в плен braveго боша-вахмистра. Разъезд германских улан попал в засаду нашего полевого пикета. Трое захватчиков были убиты, а двое сдались на милость победителям. Унтер-офицер (между прочим, легко раненый) не хотел нам отдавать свой палаш и маузер. Пришлось одному из моих солдат ударить его по спине прикладом. «Я не могу вручить свое оружие врагам – мне его вложил в ножны сам кайзер!» – были его слова. Этот бош плакал как ребенок, когда мы вынимали его палаш из ножен, а я сделал несколько выпадов его клинком. Зато тот вахмистр! Представьте себе, мой друг: он сам протянул нам свое оружие, отстегнув ремень портупеи у себя на груди. «Мне стыдно, что воля кайзера столкнула народы в этой кровавой бойне, – молвил он, потупись. В его глазах я заметил слезы. – Вы еще отомстите нам через наших детей...»

«Разве можно мстить врагам, калеча судьбы их детей? – удивился Курочкин; его тонкие, бледные пальцы обнимали хрустальную полусферу, в которой плескалось багрово-красное вино. – Это было бы чудовищным злодейством, мой друг. Германцы, которых вы называете бошами, не столь кровожадны, как нам кажется. Много премного мифов создало человечество о самом себе. Народы, живущие в нашем мире, смотрят друг на друга, словно через кривое зеркало благодаря этим историям. Друг-друга не узнают, мой друг! У меня складывается впечатление, что сам Дьявол создал это

зеркало зла. Использует его для нашего устрашения. Мы являемся друг другу в прессе и синематографе безжалостными захватчиками с хищными когтями. Разве это наш истинный облик, мой друг? Разве таковыми нас создал Всевышний Творец, сотворивший небо и землю, исполненные чудесной красотой и многообразием жизни? Разве таков Он сам, наш Великий Создатель? Ведь порождая потомство, ни зверь, ни человек, находясь в полном здравии, не желает гибели своей кровинушке...»

«Ну, Курочкин, куда вас занесло... – усмехнулся Седан, поднимая свой бокал на уровень лица; небритого, плохо отмытого от грязи и крови после страшного боя. – Сэр Чарльз Дарвин, согласно своим научным изысканиям, пришел к выводу, что мы являемся прямыми потомками обезьян. Равно как и все человечество. Как раз перед самой страшной войной. Иногда я думаю, что он прав, этот ученый муж. В человеке слишком много животного. Та же жестокость, выраженная в стремлении бороться за свое жизненное пространство. За кров, пищу и самку. Последнее ему нужно для порождения себе подобного зверя, что будет после кончины родителя оборонять территорию... – Седан почесал свой подбородок и многозначительно, сквозь сверкающие грани взглянул на лицо друга. – Если Бог сотворил такого человека-зверя... Простите, не Он ли поместил в его душу эту неумную жажду уничтожать себе подобную тварь? Если это так, то я

умываю руки, мой друг. Так, помнится, сказал Пилат, когда толпа иудеев взывала к нему, желая одного в своем жестокосердии: предать страшной казни Сына Единородного. Мне нелегко говорить об этом вслух, но еще труднее об этом молчать...»

– Ну что, кавалер? Пойдем гулять? Или боишься?.. – это произнесло юное создание в кокетливой шляпке с петушиными перьями. На плечах у ночной красавицы-кокотки было меховое мантио из черно-бурой лисицы. Когда была отброшена тонкая, перистая вуаль, взору Седана представилось удлиненное, но изящное лицо с прозрачно-зелеными, не лишенными глубины, пронзительными глазами. – Франки, фунты, доллары!?! Я все беру, красавчик. Француз ты мой, ненаглядный. Бон Жур, мосье! Или как?..

Седан на мгновение задумался. Переулок был относительно безлюдным. Из окон низких, темных домов брезжил слабый, желтоватый свет. Горели преимущественно лампы. Или керосиновые лампы у тех, кто был побогаче. Там от взоров посторонних укрылась чужая, малознакомая и малопонятная Седану жизнь. Боясь грабежей, погромов, арестов и казней... Седан видел на днях, как двое рослых людей (один в светло-серой офицерской шинели, а другой в бекеше и папахе) тащили за пейсы старого еврея в длинном, черном пальто. Он причитал на языке своих предков. Ес-

ли бы не вмешательство Седана (пришлось выстрелить в воздух), они бы убили его. Седан ехал в автомобиле белого военного коменданта. Он был очень удивлен, когда поручик, сопровождавший его, с некоторым колебанием достал бельгийский револьвер «наган» и присоединился к нему. «Евреев винят в большевистском перевороте, – сказал он, когда все осталось позади. – Если бы кто-нибудь из господ офицеров видел меня... Одним словом, меня бы назвали красным шпионом. Мне бы пришлось стреляться с обидчиком. Вы должны понимать, полковник: в России – смутное время...»

– ...Так ты меня боишься, мосье? – не унималась юная проститутка, испытывающее смерив его влажными от слез глазами. Седан немного опешил, заметив, что она плачет, но виду не подал. Мало ли что скрывали эти слезы... На всякий случай он поправил, скрытую прелиной, кобуру пистолета. – Пойдем со мной, касатик. Я немного французский знаю, moon sheer. Меня в нумерах благородному обращению учили. В Париже, небось, девочки получше имеются? Ну, не будьте букой, мосье. Помогите бедной, невинной девушке заработать на хлеб, – хихикнула она сквозь слезы.

Ну, не тебе оплакивать свою невинность, подумалось Седану. Он на мгновение вспомнил Сезанну. Его первая любовь в Париже... Горничная, которой он обещал подарить

весь мир. Высокая, голубоглазая девушка с бархатной родинкой на нежном, округлом подбородке, с пышной россыпью каштановых волос. Та самая Сезанна, которой Седан предложил обручиться после выпуска из парижской военной школы. И отправиться вместе с ним, новоиспеченным лейтенантом, в песчаный, знойный Алжир. Под пули и кривые сабли восставших кочевников, которые сеяли смерть среди французских оккупационных войск. Воспитанный своими родителями в духе высоких чувств, воспетых Флобером, Бальзаком и Гюго, он не ожидал подлой измены. И вот сейчас эта подлая девка пытается соблазнить его. Пойти с ней – совершить измену еще худшую. Седан помнил, как хотел убить Сезанну после того, что она сделала с ним. Но его боевой пыл немного поостыл. Вернувшись домой, он не обнаружил вещей своей любимой. Выяснилось, что этим днем Сезанна взяла расчет. Не поставив его в известность. Тогда он горько пожалел, что не отхлестал ее по лицу там же, под полосатым тентом. Дуэль с соперником ничуть не пугала его. Предстоящая перед ним юная проститутка вернула его в прошлое. Дайте мне подобающий рычаг, и я сдвину весь мир, изрек Архимед. Рычагом, сдвинувшим мир Седана, оказалась измена его любимой...

Седан, расстегнув клапан револьверной кобуры, решительно шагнул за «ночной феей» порока и греха. Узкий проход, освещаемый тускло смердящими керосинками, напоми-

нал своды каменистого грота или лаз. На дощатых, с запахом клопов и плесени стенах были натянуты потрепанные шелковые гобелены. Она привела его в свою комнатушку. Стала не спеша, смакуя каждое мгновение раздеваться. Он молча смотрел на нее. Затем отвернулся, чтобы не осквернить свою память. В следующий момент его грубо схватили. Шею французского полковника сдавила чья-то потная, сальная пятерня. Почти не испугавшись, он врезал стоящему позади «датским дуплетом»: отклонив корпус, нанес удар локтем в солнечное сплетение, а ребром ладони в перчатке (опустившись ниже) попал в промежность. Бандюга глухо взвизгнул. Пятерня на мгновение разжалась. Тогда Анри, ослабив шнур плащ-накидки, сковывающей движения, свалил верзилу в жилетке точными боксерскими ударами. Тот завалился на гнилой дощатый пол. При падении то ли смачно хрюкнуло, то ли отпрыгнуло... Проститутка, полуобнаженная и прекрасная, истерично завизжала. «Merde! Hershel la mi, mo due!» – Седан пригрозил ей бельгийским браунингом. Он тут же вспомнил последнюю беседу с капитаном Мишо из «двойки». Тот пообещал ему, что «будет присматривать». Стало быть, если выстрелить в дощатый потолок или издать трель офицерским свистком, сбегутся его агенты. Прибудет военная жандармерия – знаменитые «белые канты». (К концу 1916 года, по приказу президента Французской республики Клемансо, жандармы и колониальщики расстреливали каждого десятого в тех частях, что отказывались идти в бой.)

В следующий момент он ощутил приставленный к виску холодный металлический предмет. Это был безо всякого сомнения – ствол...

– Не надо дергаться, мосье, – произнес ровный молодой голос по-французски. – Можно не ронять пистолет. Просто опустите его вниз. Правильно, вот так, – поощрил его стоящий позади. – Теперь сделайте несколько шагов вперед. Упритесь в стену. Вот так... Стойте и ждите моей команды.

Седан все сделал, как было ему предписано. За спиной кто-то шикнул. Раздался звук комкающегося шелкового и крахмаленого белья. Сматывающая свои манатки юная камелия явно спешила. Верно, передразнил в уме своего пленителя Седан: кому же охота наблюдать, как разделявают под черепаху несостоявшегося клиента? От которого ничего не перепало. Как жаль, *mo due*. Совсем ничего... Хотя, если это одна шайка-лейка, то девочку не забудут. Стоп, мосье! Если на меня напали, то меня ожидали. Кто будет ссориться с французскими оккупационными властями? Здесь, в этой русской дыре, где все приготовились бежать через Босфор в страну янычаров и беев. Внезапная вспышка ослепила ему мозг. Колодкой тяжелого пистолета ему залепили в темечко, и он рухнул как подкошенный.

...Интуиция его не обманула. Блуждая по ослепительным

спиралям в темном коридоре сознания, он вышел на более приземленные миры воспоминаний. Он лежал в неестественно-прямом положении на железной койке, с привязанными руками. Гудела как стальной котел голова. Будто по «стальному котлу» битый час лупили металлическим прутом. Над ним стояли трое. Желтоватый свет лампы-коптилки мутно освещал их лица. «Ничего, он уже очнулся, – от уха Седана, прямо в опухший мозг, устремился чей-то молодой, незнакомый ему голос по-французски. – Это пойдет ему на пользу, друзья. Не зря же мои люди вели полковника от пирса. Вы не находите, товарищ Быстрый?» «Лучше скажите: он будет сотрудничать, Мишель? – задал встречный вопрос тот, кто, судя по произношению, был русский. – Если он заартачится, придется...» «Ничего вам не придется, мосье большевик, – перебил его француз. – Уверяю вас, этот субъект после 16-ого стал весьма покладистым. Недаром я и мое руководство изучили его досье. Знаем шашни мосье Седана la amog. Это единственное, что способно его оживить. Недаром он повелся на нашу шлюшку. Объект будет сотрудничать...»

– ...У вас нет выбора, мосье Седан, – внезапно раздался голос по-французски, который оглушил его. Седан инстинктивно вскочил и сел. Его руки были освобождены от пут. Он находился в каменистом гроте или штольне: сверху и с боков его обступал темно-коричневый, с блестками влаги ка-

мень. – Пришли в себя? Хорошо. Так вот, у вас нет выбора, полковник. Давайте сразу обрисуем нашу диспозицию. Уясните себе свое положение, с самого начала...

Говорящий был молод. Он сидел за грубо сколоченным столом на пустом деревянном ящике из-под патронных жестинок. На говорящем была защитного цвета военная рубашка с металлическими пуговицами. На плечи была наброшена шинель солдатского сукна с мятыми, защитного же цвета русскими погонами с тремя звездочками и белой «М» (Марковская добровольческая дивизия), а также с трехцветным «ударным» шевроном на рукаве. Говорящий был хорош собой. Его румяное, круглое лицо и быстрые карие глаза излучали уверенность в себе.

– Это что за маскарад, поручик? – Седан потер себе виски, будучи уверенным, что инцидент будет исчерпан: вопрос лишь во времени. – Кто вам дал право задерживать представителя французских оккупационных властей? Вам жмут погоны, мосье? Или...

– Или... – усмехнулся «поручик»; что бы сбить его с толку, он посмотрел на открытый циферблат карманных часов, что заранее положил перед собой. – Стало быть вам не ясно у кого вы в гостях? Жаль. По моим наблюдениям вы – весьма практический, образованный, а главное неглупый человек.

Че-ло-вечище, – протянул он с улыбкой. – Это из русской классики...

– Не помню такого в русской классике, – в меру сострил Седан. Он постепенно приходил в себя и начинал осознавать происходящее. – Я в белой контрразведке?

– Хотя бы так, – уклончиво ответил «поручик». – Чаю не желаете? Сигарету...

– Хотя бы? – усмехнулся Седан. Он попытался встать, но ноги его не слушались. – Мне нужны точные ответы.

– Я готов вам их дать, – с готовностью отреагировал собеседник. – В обмен на одно условие: вы будете благоразумны и будете спокойны, когда с вами будут говорить. А говорить с вами будут много. Вот, хотя бы...

* * *

...Перед лицом его стояла одна и та же картина: расстрел Д Алькана. После того, как был взят «Муравейник». Пехотный взвод. Целиком из новобранцев. Их лица были скрыты козырьками надвинутых шлемов с эмблемой рвущейся гранаты. В руках тряслись винтовки с приткнутыми длинными штыками. Вот-вот должна была прозвучать команда...

«... решением военного трибунала Лионской бригады от 31 октября 1916 года имени Французской Республики подвергнуть смертной казни лейтенанта Д Алькана за неподчинение приказам командования...»

Высокий, холеный офицер трибунала с трехцветной перевязью захлопнул папку. Отступил на шаг. Командир расстрельного взвода взмахнул палашом. Три команды: «Готовься... Целься... Огонь...» Залп из десяти винтовок разорвал промозглый осенний воздух. С черного дерева возле разбитой снарядами часовни (там, где Седан чуть не бросился на генерала Огюстена) взлетела стая ворон. Привязанное к столбу тело Д Алькана дернулось. Из раскрытой груди вылетели кровавые клочья. В какое-то мгновение она окрасилась вишнево-красным. Стала мокрой от крови. Кровь, подумал Седан. Он стоял, закрыв глаза. Как много льется крови в этом веке. Век взбесившейся обезьяны. Шимпанзе, натянули военную амуницию, взяли винтовки и пулеметы, присовокупив к ним более совершенные орудия смерти (бронеавтомобили, дредноуты, танки, аэропланы и смерть-газы). Хочется взять в руки необструганную дубину и загнать этих макак обратно в пещеры. Впрочем, нет... Макаки, кажется, не живут в пещерах. Они живут на пальмах. Я отстал от жизни. Безднадежно отстал...

«...Мосье полковник, прошу вас – тише... – раздался испуганный, проникающий шепот. – Вы рассуждаете вслух...»

Смерив говорящего взглядом (это был майор Дарни), Седан, пошатываясь, словно был пьян, пошёл вдоль высокой каменной ограды. За ней покоилось сельское кладбище. На нём было похоронено восемь поколений французов, живших в этом местечке со дня его основания. Итак, кости, начиная с XVIII века, покоились в этой сырой, чуть влажной земле. Что бы не происходило в Матушке- Европе, а смиренное кладбище вновь и вновь принимало в свои пушистые недра безжизненные тела. Футляры для душ... Высоко в небе, промозглом и сером, парили два самолета. Французский «Фарман» и германский корректировщик «Таубе». Последний имел чуть загнутые на концах крылья, что в сочетании с черно-белыми мальтийскими крестами придавало машине зловещий вид. Вскоре два самолета сцепились в небесной схватке. Они кружили вокруг воображаемой оси, поливая друг друга смертоносным дождём из пулемётов. На площади, где произошла казнь (могилу с расстрелянным спешно забрасывали землёй) собралась толпа зевак. Вскоре бой закончился: оба самолета, оставляя за собой дымные хвосты устремились к земле. «Фарман» летел следом, продолжая строчить из спаренного «Виккерса» по бошу. Дерьмовое геройство...

Ему вспомнился также штурм железобетонного дота «Муравейник». Когда первая линия атакующих, понеся огромные потери, прошла все четыре линии проволочных заграждений. В них, правда, зияли бреши, проделанные снарядами полковой артиллерии. Однако фугасы в промежуточных полосах остались неповреждёнными. Их пришлось разминировать под ураганным огнём бошей. Разрывные «дум-дум» хлопали по земле, раскалывали в щепы уцелевшие кольца с натянутой колючкой, со звоном рвали саму проволоку. Поминутно раздавался короткий вскрик или протяжный вой: запрещённая ещё Гаагской конвенцией пуля находила человека. В бок полковнику толкнули чем-то жёстким. Это был неизвестно откуда взявшийся капрал-телефонист Копье. Ослабившись, он тянул в лицо Седану трубку «Эриксона». «...Полковник! Надо вызвать заградительный огонь! Без этого мы погибли...» В подтверждение его слов в боевых порядках залёгших пуалю стали рваться грушевидные бомбы, испускаемые бомбомётами. Они летели по дуге. Взрываясь на поверхности, осколками выкашивали целые отделения. Впереди, за изрытыми воронками линиями траншей с торчащими веером брёвнами брустверов и раскиданными мешками с песком, виднелась четырёхугольная бетонная глыба дота.

«...Эй, дружище Этьен! Свяжитесь со штабом артиллерийского дивизиона – пусть накроют огнём валом „В-2“, –

донеслось в трубке. Это говорил сквозь треск генерал Огюсте. — ...Крепитесь, мой мальчик! — как ни в чём не бывало обратился он во весь голос к Седану. — Сейчас будет немножко жарко. Мы сломаем хребты этим залёгшим гуннам. Мы свернём этом кайзеру голову. Он будет жевать французскую землю отныне и во веки веком. Аминь!» Через минуту, когда связь с писком отключилась (впоследствии расследование, учинённое Седаном и Дарни, показало, что кабель остался нетронутым), ориентир «В-2», коим была четвёртая линия проволочных заграждений бошей или их передний край, потонула в дыму и пламени.

* * *

...К вечеру они вышли из глубокой штольни, составляющую сеть Аджимушкайских катакомб. Дунуло прохладой. Внизу плескались свинцово-серые волны Чёрного моря.

— Ну, мосье Седан, вас можно поздравить со вторым рождением? — усмехнулся тот, что был в форме поручика Марковской добровольческой дивизии.

— Пожалуй, — неопределённо ответил ему Седан. — Если вас интересуют более подробно все мои ощущения... Что ж, я готов говорить на эту тему.

Они спустились по каменной кручи, поросшей колючим кустарником, к берегу. Скрытая за камнями утёса, внизу на волнах покачивалась рыбацья шлюпка. В ней сушили вёсла двое: старик и почти ребёнок. Эдакий русский Гаврош лет 14—15. Если старик в старой бескозырке с выцветшим золотом и овчинном драпом полушубке олицетворял нечто исконное, то мальчик был прямая тому противоположность. На его русой вихрастой головке была серо-голубая австрийская кепи с оловянной кокардой. Он был одет в относительно новый салато-зелёный френч с плеча греческого пехотинца. Дети и старики совершают кровавые революции, истребляют друг-друга в кровавых гражданских войнах, подумал Седан. Это та селекция, которая не снилась Франции? Об этом говорил Мишо. Он предал меня в руки «красным бандитам». Получается, что капитан 2-го Бюро имеет к ним прямое отношение. Но моя душа вовсе не скорбит о потерянной жизни. Значит не всё потеряно. Значит я вернусь...

Впрочем, у него не было выбора. Трезво прикинув своё положение, Седан понял: мосты сожжены. Сжѐг их он сам. Когда передал красным данные о позициях на Юшуньском плацдарме, а также на Перекопе.

Глава вторая. Крест Судьбы

История отца Зосимы была хорошо известна монахам (особливо, старожилам) Сергиево-Троицкой лавры, что своими белокаменными стенами и мощными крепостными башнями являет собой твердыню святости в России. Будучи отроком двадцати двух лет, ни минуты не колеблясь, ушел от мирской жизни. Оставил отчий да материн дом, нехитрое деревенское хозяйство и юную девушку, что была наречена ему в невесты. Мало, кто знал, какое из чудес Господних подвигло его на этот отважный шаг. Того простым смертным знать было неведомо. Только лишь святой старец, игумен Никодим, которому перевалило за седьмой десяток, знал более других. Но тайны души молодого отрока держал в себе. Крепко-накрепко запечатал в сердце своем, что было твердо, как камень. Келейный старца, черноризец Андрей, услышал ночью исповедь молодого послушника, что причитал по поводу всех мыслимых и немыслимых искушений. И слова отца Никодим, что были ответом на юные страдания и их утешением: « ...Ты, дитяtko, не плач! Дьявол знает, что со слезами в душу войти можно. К Ангелу-Хранителю своему воззови, Небесному Наставнику. Все твой Ангел-Хранитель ведает: и то, что было, и то, что будет. Попроси совета у него, заступника твоего небесного. То поведает он, что не могу произнести я, окаянный грешник...»

– Да разве вы, отец Никодим, грешник? – потрясенно молвил молодой послушник, продолжая всхлипывать. – Ведь о вашей святости все братья говорят. Как вы заповеди Господни храните в себе, отче, так бы всем их хранить. Ведь грех и блуд даже в наших святых стенах укоренился...

– Ты про то мне, дитяtko, не говори, – молвил святой наставник. – То, что во вражеское время живем, то ведомо мне. Не для того принял я святое пострижение. Чтобы глаза свои на мерзость и запустение закрыть, что приходят на нашу землю святую. На Русь-Матушку...

Узнав, что келейный Андрей про ту исповедь прочим братьям-монахам поведал, старец крепко осерчал. Прогнал его прочь с глаз своих. Наложил суровую епитимью, которую тот так и не исполнил. (Надлежало за это отправиться в дальний монастырь и трудиться там, на черных работах.) С тех пор келейным у него стал послушник Зосима.

Через год, по настоянию святого старца, юноша был наречен новым, духовным именем – брат Зосима...

Случилось у святого старца странное видение накануне вступления этого мира в век грядущий. Вышел он, сопровождаемый келейным, за монастырскую стену. К одно-

му из святых источников, который Святой Земли Русской Сергей Радонежский вызвал из недр землицы-матушки своим посохом. Узрел святой отче Никодим своим духовным оком невиданное и страшное: на деревьях, что произрастали у студеной водицы, сидели маленькие темные существа в остроконечных колпаках. Беспечно говорили между собой на неслыханном языке. Услыхав, как воззвал святой старец к Господу, осенив их крестным знамением, заверещали в испуге. «Придет царствие антихриста, придет на эту землю! – вопили они, беснуясь. – Ничто ее не спасет от гибели. Воцарится на ней наш хозяин на тысячу лет. И будут слепы люди, и пойдут в бездну, весело смеясь и с именами святых на устах. Не дано им будет предвидеть свою гибель. Тех же, кто останется с Господом, отправят в печи железные. Нам на забаву. Мрак у них в очах и забвение на устах. Время наше, дьявольское...» Келейник Зосима, правда, ничего не видал и не слышал. Только успел заметить мертвенную бледность на лице своего духовного наставника. Пронзительно-синие глаза старца покрылись непроницаемой завесой, за которой не всякому суждено было оказаться. Лишь спустя несколько лет, когда великую империю Российскую потрясли кровавое воскресение и русско-японская война, отец Никодим, вышел по утру к святому источнику. Залился слезами и молвил:

– Как были мы, так и есть, окаянные! Все на своих ме-

стах, охальники. И не ведают, что творят, но к гибели мир ведут. Остановить их надобно, дитяtko. Ведь стар я и слаб, что б там не говорила братия. Да и братьев-то истинных мало. Истину ты произнес, Зосима, когда о блуде и грехе сказал в монастырских стенах. Об этом будет явлено тебе со временем. Печатью святой затвори свои уста и очи. Не приспело тебе сокровенное созерцать...

Надо сказать, что настоятель монастыря, человек желчный и грубый, крайне не возлюбил молодого келейного Зосиму. Сам он в тайне душе своей желал приблизиться к святому старцу. Но отец Никодим хладнокровно отвергал все попытки: ум настоятеля был далек от духовного промысла. Был тот упитан и благообразен, носил сиреневую шелковую рясу с громадным золотым крестом. Его пухлые, нетрудовые руки были унижены массивными золотыми перстнями. Это делало его похожим на купца, а не духовное лицо. Кое-кто из монастырских пытался представить жалобу о его непотребствах в Священный Синод. Но куда там! У отца-настоятеля и там все было схвачено: «зачинщиков смуты» взяли под стражу и сослали в Соловецкий монастырь на вечное покаяние. Это послужило суровым уроком для всей братии. «Особливо строптивым никто не возжелал быте...»

С тех пор настоятель монастыря укрепился в своем положении. Больно хлестал по щекам провинившихся, ставил

их на ночь в кельях на колотый кирпич или толченное стекло. За малейшую провинность отправлял на тяжкие работы. При нем доносительство и лесть почти вытеснили благой чин. Монашеские службы проходили безрадостно. Смирение и послушание превратились в беспросветную кабалу. В ней оказывались молодые монахи относительно тех, кто был постарше и в милости у настоятеля. Посты утратили свое значение. Видя, что настоятель не гнушается «скромники», остальная братия махнула рукой на остатки благочестия. Питание и сквернословие стало обыденным явлением, словно по пророчеству...

Зосима постигал духовный подвиг святых сподвижников. Стал смирять свой дух и свою плоть суровым постом. Питался порой одной лишь студеной водицей из святого источника да размоченными в ней корками хлеба. Он был осмеян прочими братьями. Им было невдомек, что молодой монах и впрямь решился стать святым сподвижником. Многие из них жестоко шутили с ним. То кипятком его из шайки обольют в монастырской бане. То камни тяжкие с того ни с сего падут на его плечи... Зосима стойко переносил выпавшие на его долю тяжкие испытания. В его памяти жили откровения, что были явлены ему от Бога...

...Отправился он, по настоянию святого старца, в дальний монастырь, что был на острове. Но пришел к нему затемно.

Повстречался ему одинокий старичок на подводе, что согласился его подвести до монастырских ворот. Весь путь говорил с Зосимом, как тяжка жизнь монашеская. Какие искушения насылает Дьявол на чернецов. Так и подъехали они к воротам, окованным железом, под святым образом. Расстелил Зосима серый армячок на травушке-муравушке, что серебрилась в свете молодой луны по всему острову. Сотворил молитву с крестным знамением, готовясь отойти ко сну. Окинув взглядом спокойные, темные воды озера, он заметил светящуюся белую дорожку, что протянулась к берегу. По ней на подводе его подвез тот старичок. Утром же, когда рассвело, открывшие ворота монахи были удивлены, что юноша оказался на их стороне. Белая, светящаяся дорожка исчезла. Будто и не было ее никогда. Никто о ней знать не мог, так как было явлено чудо от Господа Всевышнего. По сему, после кратковременного послушания в здешнем монастыре Зосима был отправлен в Сергиево-Троицкую лавру...

После смерти старца Зосима пережил страшное испытание. Прибыл новый монах из Суздальской обители с письмом от тамошнего настоятеля. Был тот монах кряжист и широк в плечах, с большими, заскорузлыми руками. Черная, как смоль, борода его скрывала грубое лицо, на котором угадывались многочисленные рябины от перенесенной оспы. В кустистых бровях были затеряны необычайно подвижные, зеленоватые глаза. Вместе с изогнутым, ястребиным носом

они придавали лицу потаенное, зловещее выражение. Монашеское одеяние сидело на нем неуверенно и мешковато. Было заметно, что в душе у Тихона (так звали вновь прибывшего) было не все в ладах со Всевышним. Перед настоятелем он лебезил, а остальных братьев бил за малейшую оплошность. Был наделен силой нечеловеческой: сгибал подковы, завязывал узлом ложки. Мог запросто вбить гвоздь ударом пальца. Один раз схватил быка за рога. Одним движением пригнул здоровенное животное к земле... Однако трудиться на монашеском подворье, в огородах и конюшне, не любил. Заставлял трудиться других, подгоняя нерадивых и непокорных ударами пудового кулака. Сам же любил дремать на солнышке, накрыв лицо каламией. Заставлял читать молитвослов, либо петь гнусавыми (точно у бесов) голосами литургию.

Ему все одно было, Дьяволу. Только бы покорность да угождение настоятелю.

Пробовал как-то Тихон подступиться к Зосиме, да тот не робкого десятка оказался. Да и силой не обидел Бог. Стиснув за черенок лопату, отрок, сузив глаза, тихо прошептал:

– Ступай отсель, окаянный! Не искушай души христианские...

Никто этого не видал. Поэтому Тихон, уверенный в своей

власти, сказал, щетиня бороду пудовой, заскорузлой пятерней:

– Ладно, паря. Трудись покудова. Но знай, придет и твой час, соколик. Туда угод не налетывал, куда брат Тихон захаживал. Бывал я в дальних местах. Знавал я многих непокорных. Ребрышки-то у всех хрустят одинаково. Сердечки у людишек ноне боязливые, соколик. Только ты, видать, ничего не боишься на этом свете, паря?

– Не паря я тебе, – побелевшими губами ответил ему Зосима. – Человек я Божий, да и ты тоже. Почто так говоришь со мной да братьям зло чинишь?

– Про то так говорю, что все вы здесь охальники да грешники, – ответил ему Тихон сумрачно. – Бога не чтите да Богом прикрываетесь. Пора вам узнать, что есть Суд Божий и Страх Божий. В этом мире одна правда: кто страх в себе переломит, тот и есть самый бог...

Зосиму словно ледяной водой окатило от этих слов. Богохульство, произнесенное Тихоном без утайки, потрясло его неокрепшую душу. Старец Никодим поведал ему на смертном одре о странном и страшном видении подле святого источника. Ведомо было святому старцу, душа которого ушла к Всевышнему, о великих бедах и смутах, что обрушатся

на мир в новом XX веке. Самое страшное это – грядущее царство антихриста. Придет он в обличии божьем на землю. Будет вводить в искушение целые народы, которые по-прежнему не ведают, что творят. «...И будут речи его, сына погибели, сладки, как мед, и благодушны, как фимиам, – прошептал молодому келейнику отец Никодим. – И будет он прельщать теми речами царей земных. Все поклонятся ему. Отцы-сподвижники, что служат Господу, склонятся пред его очами. Красотою своею подобен он будет утренней заре. Поведут на судилище и на казнь тех, кто откажется признать число зверя. ...Остальные, побивают их камнями. Терзают, как лютые звери. Превратятся храмы Божьи в мерзость и запустение. В монастырях будут устроены жилища для нечестивых. Таково великое искушение от Дьявола! Таков промысел Божий! Все окажутся в грехе и предстанут перед лицом погибели. Лишь тот спасется, кто имя Отца нашего Небесного сохранит в душе своей...» Отходя к Всевышнему, отец Никодим просил Зосиму устоять пред натиском той стихии, которая приготовилась обрушиться на этот мир. «Натиск ее будет велик, – говорил святой старец на последнем издыхании. – Но ты будешь сильнее, дитяtko. Просить буду Всевышнего о тебе. Выслать тебе помогу из Царствия Небесного. Что б оберегли твою душу неокрепшую от всякой нечисти Ангелы Небесные. Мало нынче на Руси Святой тех, кто истинно Богу молится и истинно Богу служит. Один ты, дитяtko, остался в нашей обители. Церковь-то наша дав-

но уже незримо под пятой антихриста. И того не ведают, окаянные... Быть тебе, брат Зосима, великим сподвижником... последним старцем на Святой Руси-Матушке! В лихую годину Всевышний призвал тебя. Так исполни Его Волю до конца дней своих...»

И вот сейчас антихрист предстал перед Зосимом вполне зримо. В образе Тихона, которого с тех пор юноша не признавал за брата-монаха. Прозорливым умом своим отметил, что и молитв-то толком произнести не может, ибо старославянскому, церковному языку едва учен. Хотя, согласно письму от настоятеля Суздальского монастыря значилось, что пробыл Тихон на послушании четыре года. В самой же обители монахом состоял до пяти лет. Все больше усиливалось в Зосиме подозрение, что это человек темный и пришлый неведомо откуда. В монаха наряженный, да и только. Однако, кому об этом скажешь? Настоятель был груб и не разговорчив, пока речь не заходила о мирских утехах, в числе коих блуд да вино. Остальные же братья боялись пришлого. Потихоньку доносили ему о том, что творилось в обители. Вознося молитвы к Всевышнему, в коих он просил о крепости духовной, Зосима знал, что час страшных испытаний близок. Он не ошибся, встретив его, этот страшный час, во всеоружии духовном.

...Взмахнув лопатой, Зосима, пошел на Тихона. У того чуть глаза из орбит не выпали... «Уйди отсель, темная человеческая душа! Не искушай ни меня, ни Бога нашего!» – воскликнул молодой монах. Тихон, было, взмахнул своим пудовым кулаком. Внезапно темное застлало все вокруг. По-прежнему ярко светил на небе золотисто-оранжевый, огромный шар по имени Солнце и тени легких, перистых облаков скользили по белым монастырским стенам. Зосима видел, что они оказались в разных мирах. Он, молодой монах, почти юноша. И этот огромный, жестокий человек, возымевший власть с чужого слова над монастырской братией.

– Уйди отсель, огромна окаянный! Не то враз кончу тебя на месте, – вырвалось у Зосимы.

Тихон жутко скривился и закричал:

– О, братья, убивают! Бесом одержим, бесом... Этот наш выюнок беспутный! Хватайте и вяжите ему руки! Не то он, бес во плоти, всех нас лопатой перебьет! Я покамест за отцом настоятелем поспешу...

Монахи стояли вконец остолбеневшие. Ибо свершилось чудо из чудес. Тот, кого все боялись, сам изволил испугаться. Но это была только сказка. Вся присказка была впереди.

По распоряжению отца настоятеля, что немедленно (со слов Тихона) прознал о случившемся, Зосиму заточили в монастырское подземелье. За исправником отрядили тот час одного из братьев. (Как выяснилось позже, того, кто окатил Зосиму шайкой кипятка.) Исправник приехал на дрожках с бубенцами. Тут же произвел подробнейший опрос всей монастырской братии.

— Для протокола, святые отцы, — молвил господин исправник, запинаясь от смущения. Розовые, гладкие щеки покрылись потом. Полоска золотистых, лихо закрученных усов терялась под тенью козырька белоснежной фуражки. — Его же, напавшего... То бишь, брата вашего, которого вы повязали, тоже надобно будет подвергнуть опросу. Пока дознавателем буду я, господин исправник, — сказал он, поворачиваясь к отцу настоятелю, и почтительно улыбнулся. — Вы, конечно, можете дать делу законный ход. Так и... Ну, я думаю, что вы понимаете, какие нежелательные последствия может иметь суд да следствие для вашей святой обители. Попади этот юноша на съезжую или в острог...

Ну, разумеется: отец настоятель все прекрасно понимал. Ему давно уже не терпелось убрать Зосиму с глаз долой и подальше. Молодой монах снискал своим терпением и мужеством любовь у остальной братии. Не раз за усердие в посту

и молитвах Зосиму отправляли выполнять напрасно-черную работу. Таскать с места на место камни. Или перекладывать из лохани в другую мусор... Но он держался. С приходом в обитель зловещего Тихона, который ввел порядки точно в острожной тюрьме, его жизнь стала и вовсе невыносимой. Но теперь... Дурная слава о нем, отце настоятеле, могла зай-ти совсем далеко. Того не хотелось этому толстому, холеному человеку. С нежными, большими руками, никогда не ведавшим трудов. Что б хоть как-то досадить молодому монаху отец настоятель предложил составить протокол со слов «претерпевшего от злодея», то есть «смирненного» брата Тихона. «Дабы бумага сия могла возыметь ход...»

Тихон долго отпирался. Но, по настоянию, отца настоятеля, ответил на все вопросы господина дознавателя-исправника. Ответы его были скрупулезно записаны в протокол дознания. В довершении следовало поставить собственноручную подпись. «Претерпевший» снова помедлил. Дрогнувшей рукой вывел корявый крест. Пририсовал к нему толстую нижнюю перекладину, изогнутую подковой.

– Только и есть что у меня на свете, братия да господин хороший, что Господь наш да его Сын, – угодливо перекрестился Тихон, удаляясь с поклоном. – Принявший, известное дело, за нас муку лютейшую на кресте...

Тут произошло и вовсе непонятное. Исправник, как будто очнувшись ото сна (с минуту изучал протокол), схватил брата Тихона за шиворот. Двинул ногой в живот и повалил на землю.

— А ну, вязать его, такие-растакие! Я вас всех в холодную запру, бестолочь черноризая! — заорал господин исправник. При этом лицо его налилось красным, как помидор на монастырской грядке. — Беглого каторжника, душегубца-«крестника», пригрели! У себя, в святой обители! Я вас, тишайших да смиреннейших, в солдаты отдам...

Выяснилось, что «брат Тихон» вовсе был не брат. Тихоном он тоже, как оказалось, никогда не был. Был это известный душегубец, беглый с Уральского острога каторжник Федька Кривой, загубивший на своем веку множество христианских (в особенности, православных) душ. Убив солдата конвойной стражи, он убежал прямо с этапа. Отсидевши в кустах, вышел к железной дороге. Прыгнул на проходящий состав до первопрестольной. Ночью, выбравшись в город на одной из станций, задушил проходившего на свою беду монаха-странника из Суздальской обители. При коем и находилась записка от тамошнего отца настоятеля. «Смирненного инока, брата Тихона, принять на должный срок, пока Господь даст благословение или знамение какое о переводе того инока в иную обитель...» Письмо это и сыграло зло-

получную роль в появлении беглого каторжанина в Сергиево-Троицкой лавре. Федька Кривой (оба глаза были в порядке, но левый щурился), как истинный душегубец, намерения свои тщательно скрывал. Скрыл он и свою воровскую грамотность до поры до времени. Была у него с собратьями-артельщиками договоренность: метить на крохотных листиках свои слова подписными крестами с толстой, изогнутой, как подкова, нижней перекладиной. За то и получили эти воры прозвище «крестники» у полицейских властей.

Когда бывшего Тихона увозили, сбежался смотреть весь монастырь. Федька Крестник-Кривой скалил зубы и грязно ругался. Исправник дважды ткнул в его сопливую пасть кулаком. Белоснежная перчатка тут же окрасилась кровью. Федька продолжал бессвязно ругаться. «Господи, прости его, – донесся за спиной помертвевшего от страха отца настоятеля чей-то знакомый голос. – Ибо не ведают, что творят. Так сказал Ты на Голгофе, когда страдал за нас на кресте. Прости, Всеблагой, и помоги нам, душам заблудшим...»

* * *

...Полковник Тищенко, начальник охранного отделения Сергиево-Троицкого посада, немало был удивлен таким успехам в розыске беглых каторжников. Попадись ему такой монах, каковым был Федька Крестник, тот час же сле-

лал из него секретного сотрудника охраны. А то и агента по надзору за местом. Смотрящего, если говорить потаенным языком охранно-сыскного отделения. Подчиненного отдельному корпусу жандармов. При III-м отделении личной канцелярии государя императора... Таковым, по жандармским учетным ведомостям, у него числился сам отец настоятель. Согласно тем же документам, носил служебно-оперативный псевдоним «отец Павлин». Поэтому жил он, припеваючи, не зная ни тягот, ни забот жизни монашеской. Девочек к себе ночами водил да баб замужних. В последнее время не гнушался и шлюхами из номеров г-жи Фрикель. Тут усердия Федьке Крестнику было не занимать...

К слову, г-н полковник давно уже присматривался к этому жуткому малому. «Эка он, братец ты мой, быка за рога и к земле, – шутил в полном одиночестве Валерьян Арнольдович, подтачивая за делом и без него серебряной пилочкой свои полированные ногти. – Его бы к нам в информаторы. То бишь, в агенты тайные... Позже – отрядить на боевую операцию, в „Союз русского народа“. Такому жидов и социалистов гвоздить все равно, что козла доить. Никакому быку его не одолеть...» Намеревался уже г-н полковник запросить охранное отделение по месту бывшего пребывания «смирненнейшего Тихона». Но опередил его сам Тихон (вернее Федька Кривой) и вставший на его пути Зосима. Так бы не случилось – совсем ничего! Сразу на два крючка угодил буду-

щий секретный сотрудник. Не отвертелся бы у меня, каналья! О таком счастье даже самые маститые оперативные чиновники из охраны мечтают. И то раз в столетие происходит. И никому, кроме Господа нашего над всеми предстоящего, не ведомо грядущее. Что будет в новом и счастливом (как бы не стонали отцы церкви) 1914 году от Рождества Христова.

Пули сербского террориста из «Млада Босна» Гаврилы Принципа уже сразили претендента на австрийский престол эрцгерцога Франца Фердинанда с супругой на улицах Сараево. Случилось это явное политическое убийство при явном попустительстве сербских властей, которые как будто намеревались столкнуть Австро-Венгрию и Россию. Дураку было понятно, что за призраком мировой катастрофы стоит Туманный Альбион и Американские штаты. Полковник отдельного корпуса жандармов (в прошлом), в настоящем – начальник охранно-сыскного отделения Сергиево-Троицкого посада намечал съездить этим летом в Крым. Погостить с неделю-другую с женой и дочерью в Ялте. У дорогого его сердцу друга, которого звали Андрей Иванович Курочкин. Был он действительным полковником русской армии от инфантерии, то бишь пехоты-матушки. Так говаривал он сам, Курочкин. Посидеть вечерок-другой на тихой, выложенной галькой террасе. Перекинуться в картишки. Исполнить божественной силы романс под луной. «Я помню вас, и всё бы-

лое, в моей душе угасло не совсем...» Да-с с... Пока Анастасия Павловна с дочерью Елизаветой (Лизхен, как называл по-немецки ее отец) прохлаждаются на водах целебных да нежатся на пляжах. Принимают утомительные для своего здоровья солнечные ванны в тесных купальных костюмах...

Обещанного тайного агента к сентябрю сего года он не предоставит по начальству. Поэтому ожидаемого отпуска пока лучше не испрашивать. Тем более у г-на губернского жандармского начальника, генерала барона фон Вильнера. Тьфу, пропади оно все пропадом! Все карты, «оперативные пасьянсики», спутал этот братец монах. Разрази его гром в ясную погоду.

Да, увидеться с ним не мешало, подумал Тищенко. Разминаясь в гимнастической зале, он сделал выпад-другой. Боксерская груша точно стонала от его сильных, хорошо поставленных ударов. Еще один свинг, еще один хук... В бога, в душу, в мать, говоря по-русски. И говоря крепким русским языком. Ей богу, молодец, господин полковник. Может так статья, что быти вам (и очень скоро) в губернском жандармском управлении на начальствующих должностях. Лучше б именно на них, треклятых. Если Бог, конечно, сподобит, и свинья не съест. Совсем опротивела эта оперативная служба. Все равно, что по нужде в лютый мороз ходить – в открытый солдатский нужник. Поморозишься весь, пока дойдешь. Тьфу, бр-р-р... Ну и что же, где этот строптивый

монах? Алеша Карамазов, как бишь его там? Сергиево-Посадским будет... Пока все удавалось переводить в шутку, но на душе у г-на полковника скреблось беспокойно. С утра он устроил образцово-показательный разнос младшим чинам охранки, филерам и сыскным агентам. Это не помогло избавиться от подступавшего беспокойства. Оно угрожало заполнить собой все и вся. Вытеснить собой весь прежний, уютный и прекрасный мир. Сузить его до пределов страшно-го, непонятного мирка, где все мутно и страшно. По-волчьи воют собаки и хрипло, скалясь, как черти на лубочных картинках, говорят между собой люди. Тени от истинных людей, созданных по образу и подобию Божьему.

Вот так-так, подумалось г-ну жандармскому полковнику Тищенко. Вы, милейший государь, уже осознали свою грешную натуру и греховную суть. Скоро и каяться начнете, придя в храм. Запалив свечку пред святой иконой. Слухами наш департамент полнится, что ныне покойный (от пули в висок) г-н полковник З. тоже преуспел в монашеском смирении. Одного святого сподвижника в сане священника приобщил к тайному сыску. Основал этот «святой» рабочие школы, столовые да приюты. Даже до «православных профсоюзов» – прости, Господи! – чудь не дошло. Но миловал Ты нас, Спаситель, от срама сего позорного. Сохранил Россию-Матушку от социалистических англосакских нововведений. Ударился этот «раб божий» в бега после известных печально событий

1905 года. На площади дворцовой, по вине сего расстриги, немало полегло от пуль солдатских. Удавленным нашли, бе-са этого, в священнической рясе.

После некоторых раздумий г-н полковник вызвал к подъезду своего департамента небесно-голубой «Паккардъ», недавно выписанный из Франции. К продукции отечественного завода «Руссобалтъ» Тищенко относился крайне спокойно. Облачившись в английский suit из тонкой, красно-коричневой шерсти, он велел шоферу доставить его в монастырь «скит», что располагался внушительно от посада. Согласно легенде (для своих же соглядатаев-филеров) он, Тищенко Валериан Арнольдович, отправлялся изучать объект возможной вербовки секретного агента. Однако, прибыв на место, г-н жандармский полковник удачно «потерялся» в толпе богомольцев. Подсел в экипаж с мертвецки пьяным кучером. С приклеенной серой бородкой и черными очками-консервами, не узнанный никем, похожий на актера, бежавшего из провинциального театра, Тищенко благополучно доехал до Сергиево-Троицкой лавры. Дождавшись ночи в укромном месте за трапезной, он тайно (по известной ему галерее под стеной) проник в келью отца настоятеля. Пользуясь отсутствием своего тайного агента, г-н полковник охранного изучил все «неправедные приобретения». Именно – сбываемые меха, золотые и серебряные оклады, монеты, портсигары, цепочки, кольца и брошки сделали «от-

ца Павлина» еще большим подлецом и невеждой. Во всяком случае, в глазах своего непосредственного куратора. «Я этой каналье, такой-рассякой, устрою за блуд, — проскрежетал зубами Тищенко. — Почище Варфоломеевской ночи...» Ужасаясь, он пролистал модные парижские журналы с фотографиями обнаженных красоток. Здоровенные, с плечами атлетов мосье (тоже в костюмах ветхозаветных человек) совершали с ними немыслимое. Порядочного человека давно бы стошнило и вывернуло наружу... «Вот она, наша православная, великая Русь! Одно лишь название осталось. Ведь были же сто веков. Киевская Русь. Первопрестольный град Московский. Господи, воистину, пришли времена мерзости и запустения! Да-с с, в величественных храмах Господних. Что же делаем мы, царевы слуги? Опричники и сатрапы, перед лицом надвигающейся революционной бури? Господь Всевидящий, кончится ли эта чума...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.